

Universidad
de Alcalá

TÍTULO DEL TRABAJO

Problemas de equivalencia en la traducción ruso-español en los procesos penales:

Hacia un estudio de las unidades fraseológicas

Problems of equivalence in Russian-Spanish translation in criminal proceedings:

Towards a study of phraseological units

Проблемы эквивалентности в русско-испанском переводе в уголовном процессе:

на основе исследования фразеологических единиц

CURSO ACADÉMICO

2021-2022

*Máster Universitario en Comunicación Intercultural,
Interpretación y Traducción en los Servicios Públicos*

Presentado por:

D.ª NATALIA ANDREEVNA VLASOVA

Dirigido por:

Dr. D. ENRIQUE J. VERCHER GARCÍA

Alcalá de Henares, septiembre de 2022

ÍNDICE DE CONTENIDOS

RESUMEN	5
<i>Lista de abreviaturas</i>	7
1. INTRODUCCIÓN: PRESENTACIÓN DEL OBJETO DE ESTUDIO, METODOLOGÍA Y OBJETIVOS DE LA INVESTIGACIÓN	9
1.1 Presentación del objeto de estudio	10
1.2 Metodología	11
1.3 Objetivos de la investigación	13
2. MARCO TEÓRICO	14
2.1 Características del texto jurídico ruso y del texto jurídico español	14
2.2 Problemas de equivalencia en los textos jurídicos	21
2.3 Hacia una definición de <i>unidad fraseológica</i> desde la lingüística	26
2.4 Los códigos penales como objeto de estudio en la traducción jurídica	30
2.5 Recapitulación	32
3. PROBLEMAS DE EQUIVALENCIA EN LA TRADUCCIÓN RUSO-ESPAÑOL EN EL ÁMBITO DE LOS PROCESOS PENALES: HACIA UN ESTUDIO DE CORPUS DE ALGUNAS UNIDADES FRASEOLÓGICAS...	33
3.1 Presentación de resultados	34
3.2 Análisis de los resultados	38
<i>3.2.1 Locuciones</i>	38
<i>3.2.2 Colocaciones</i>	41
3.3 Recapitulación	56
4. PROBLEMAS DE EQUIVALENCIA EN LA TRADUCCIÓN RUSO-ESPAÑOL EN EL ÁMBITO DE LOS PROCESOS PENALES: HACIA UNA PROPUESTA DE GLOSARIO TERMINOLÓGICO	56
4.1 Unidades fraseológicas no equivalentes en español	56
4.2 Unidades fraseológicas equivalentes en español	66
4.3 Recapitulación	72
5. CONCLUSIONES Y FUTURAS INVESTIGACIONES	73
REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS	77
<i>Anexo 1. Extracto del Código Penal de la Federación de Rusia de 13 de junio de 1996 H 63-Φ3. Parte II: Delitos</i>	81
<i>Anexo 2. Extracto del Código Penal de la Federación de Rusia de 13 de junio de 1996 H 63-Φ3. Parte III: Penas</i>	92
<i>Anexo 3. Glosario de unidades fraseológicas analizadas en el TFM</i>	115
<i>TRADUCCIÓN DE 20 PÁGINAS DEL TRABAJO DE FIN DE MÁSTER</i>	117

Problemas de equivalencia en la traducción ruso-español en los procesos penales:

Hacia un estudio de las unidades fraseológicas

Проблемы эквивалентности в русско-испанском переводе в уголовном процессе:

на основе исследования фразеологических единиц

Natalia Andreevna VLASOVA¹

Universidad de Alcalá

RESUMEN

En este trabajo se estudian algunos problemas de equivalencia a la hora de traducir un texto jurídico-administrativo de una lengua de partida (el ruso) a una lengua de llegada (el español). Uno de los objetivos de este trabajo consiste en analizar si ciertas unidades fraseológicas que aparecen dentro del *Código Penal de la Federación de Rusia* están vinculadas a otros textos de corpus con características similares a los textos jurídico-administrativos. Por lo que respecta a la metodología, este trabajo construye su razonamiento siguiendo un método eminentemente hipotético-deductivo. La muestra de datos está compuesta por 40 unidades fraseológicas, dentro de las cuales se encuentran 26 colocaciones y 4 locuciones. Los resultados obtenidos demuestran que todas las unidades fraseológicas analizadas a través del corpus lingüístico *Sketch Engine* encuentran su aplicación en otros tipos de textos jurídicos (por ejemplo, en artículos, estatutos, etc.). En cuanto al problema de equivalencia de significado, se detectan varias dificultades, entre las cuales destacan ciertas dificultades asociadas a las características de ciertas unidades fraseológicas del ámbito jurídico, las dificultades derivadas de las diferencias entre los sistemas jurídicos de Rusia y España y los problemas causados por la existencia de unidades específicas que existen en el sistema jurídico de Rusia, pero que no están disponibles en el sistema jurídico de España (y viceversa). A continuación, se proponen las posibles traducciones de las unidades fraseológicas analizadas al español, con la posterior elaboración del glosario.

PALABRAS CLAVE: *Lingüística, sistemas jurídicos, texto jurídico, traducción, unidades fraseológicas.*

¹ Email: natalia.andreevna@edu.uah.es.

КРАТКИЙ ОБЗОР

В данной работе исследуются проблемы эквивалентности при переводе административно-юридического текста с исходного языка (русского) на язык перевода (испанский). Одна из целей данной работы — проанализировать, связаны ли определенные фразеологические единицы, выделяющиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации, с другими текстами корпуса, имеющими сходные характеристики с административно-юридическими текстами. Что касается методологии, то данная работа строит свои рассуждения, следуя исключительно гипотетико-дедуктивному методу. Выборка данных состояла из 40 фразеологических единиц, включая 26 коллокаций и 4 фразеологических единства. Полученные результаты показали, что все фразеологические единицы, проанализированные с помощью лингвистического корпуса Sketch Engine, применимы к другим типам юридических текстов (например, статьям, уставам и т.д.). Что касается проблемы эквивалентности, было выявлено несколько трудностей, включая трудности, связанные с характеристиками юридической фразеологической единицы, трудности, возникающие из-за расхождения правовых систем двух стран, и трудности, вызванные наличием специфических единиц, которые существуют в российской правовой системе, но отсутствуют в испанской правовой системе (и наоборот). Далее были предложены возможные переводы проанализированных фразеологических единиц на испанский язык, после чего был составлен глоссарий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвистика, юридические системы, юридический текст, юридический перевод, фразеологические единицы.*

Lista de abreviaturas

CPFR	<i>Código Penal de la Federación de Rusia</i>
CPLC	<i>Código Penal y legislación complementaria</i>
SL	<i>Solidaridad lexemática</i>
TO	<i>Texto original</i>
TM	<i>Texto meta</i>
UF	<i>Unidad fraseológica</i>
UL	<i>Unidad léxica</i>

1. INTRODUCCIÓN: PRESENTACIÓN DEL OBJETO DE ESTUDIO, METODOLOGÍA Y OBJETIVOS DE LA INVESTIGACIÓN

Dentro del marco de la traducción jurídico-administrativa en que se ubica este trabajo de fin de máster, pueden escogerse muchas líneas de investigación. Entre ellas, una consiste en comparar la forma en que las diferentes lenguas del mundo traducen textos de naturaleza similar, como puede ser el caso de ciertos textos jurídico-administrativos. Este trabajo está inspirado en esta línea de investigación, y su principal cometido radica en establecer algunas diferencias entre las maneras de traducir al ruso y al español en los códigos penales de Rusia y España, en concreto en cuanto a ciertas unidades fraseológicas, cuya definición se perfilará a lo largo del trabajo. La diferencia principal que distingue este trabajo de otros radica en que en este estudio se añade un componente teórico propio de una disciplina diferente a la traducción: la lingüística. Esto ofrece la ventaja de que la perspectiva de la investigación es, hasta cierto punto, interdisciplinar, y por tanto más completa.

Dentro de las unidades del lenguaje que pueden ser objeto de estudio de la traducción como disciplina, existen ciertas unidades lingüísticas, las denominadas *unidades fraseológicas*, que se caracterizan por cierta idiomática, rigidez y sintaxis no libre. Las unidades fraseológicas no significan exactamente lo que cada integrante de su compuesto lingüístico significa, sino que su significado está convencionalizado, según la lengua y la cultura que se considere. De ahí que, para que el traductor, en su labor, sea capaz de escoger la traducción más adecuada para una unidad fraseológica, deba conocer la lengua meta, la lengua origen y ciertos rasgos de la cultura de estas lenguas. En este trabajo se estudia el uso de ciertas unidades fraseológicas en el ámbito de los textos jurídico-administrativos; esta investigación se verá complementada con el uso de un corpus lingüístico. Las características lingüísticas de las unidades fraseológicas que, muy sucintamente, se han esbozado en estas líneas, ponen en relieve la necesidad de que el traductor conozca, asimismo, el campo de la lingüística, si quiere acertar en su traducción del texto original.

Este trabajo está estructurado de forma progresiva, como sigue. Abre el trabajo un apartado introductorio donde se presentan las bases del estudio (§ 1), como es el caso del objeto de estudio, relacionado con las formas de traducción de unidades fraseológicas en los códigos penales de Rusia y España (§ 1.1). El apartado sigue con la presentación de la metodología, inspirada en un estudio de fuentes primarias y la extracción de datos de un corpus lingüístico (§ 1.2). Cierra este apartado introductorio la presentación de las preguntas de investigación (§ 1.3), que guiarán la consecución de la investigación hasta las conclusiones, donde se pretenden responder las preguntas de investigación planteadas.

Seguidamente, con el objetivo de concretar ciertos presupuestos teóricos tanto de la disciplina de la teoría de la traducción como de la lingüística, se abre un apartado donde se presentarán algunos conceptos básicos para la comprensión del grueso del estudio (§ 2). Por ello, se presentan las características más relevantes de los textos jurídicos españoles y rusos, que son muy relevantes para fundamentar la investigación (§ 2.1). A continuación, se exponen los problemas de la traducción de los textos jurídicos (§ 2.2), el concepto de *unidad fraseológica* o *fraseologismo* (§ 2.3) y los códigos penales de España y Rusia (§ 2.4).

Una vez puestas las bases del estudio, se encuentra el grueso del trabajo, integrado principalmente por dos apartados teórico-prácticos (§ 3 y § 4). En el primero de ellos, se presentan los resultados principales obtenidos de la inspección de los códigos penales (§ 3.1) y se ordenan, separan y analizan tales resultados (§ 3.2), junto con los necesarios datos provenientes del corpus consultado. En el segundo de ellos, se trata de presentar los datos que difícilmente encuentran una equivalencia en el caso del código español (§ 4.1) y los que encajan mejor con el código español (§ 4.2). Este último apartado es el más práctico, puesto que consiste en proponer traducciones desde el ruso al español en el ámbito del lenguaje jurídico-administrativo.

Finalmente, cierra el trabajo un apartado donde se extraen las principales conclusiones a las que ha conducido el estudio, que responden a las preguntas de investigación planteadas en el apartado introductorio, así como se exponen ciertas futuras líneas de investigación (§ 5). Por último, cierra el trabajo un bloque de tres anexos. Los dos primeros reflejan dos extractos del *Código Penal de la Federación de Rusia*; se recomienda encarecidamente que el lector los observe mientras lee esta investigación, puesto que son buena guía para la comprensión del estudio. El tercero es puramente práctico: constituye un glosario de términos que aparecen en el *Código Penal de la Federación de Rusia*, traducidos al español. Todos ellos son de realización propia y originales; el último de ellos constituye, en definitiva, una propuesta de traducción propia, esto es, se trata de la parte más práctica del presente trabajo de fin de máster.

1.1 Presentación del objeto de estudio

Este trabajo tiene por objeto de estudio el análisis del lenguaje jurídico-administrativo. Dentro de este lenguaje, característico de muchos documentos oficiales jurídico-administrativos, se procederá al análisis de ciertas formas lexicalizadas del lenguaje jurídico ruso (unidades fraseológicas, como se verá a continuación), y a su comparación con sus respectivas formas en el lenguaje jurídico-administrativo de España. El análisis se llevará a

cabo dentro del *Código penal de la Federación de Rusia*. Este código es amplísimo, de forma que un análisis pormenorizado de toda la obra se presenta imposible para los objetivos de este trabajo. Por ello, se ha decidido escoger exclusivamente dos apartados del mismo, a saber:

- *Apartado II. Delitos* (pp. 3-12)
- *Apartado III. Penas* (pp. 12-29)

Únicamente dentro de estos intervalos de páginas se procederá a la búsqueda de unidades lexicalizadas. Una vez identificadas las unidades, se procederá a la búsqueda de las mismas en corpus lingüístico en ruso, para comprobar que ciertamente se trata de unidades ancladas en un contexto lingüístico concreto. Habiendo realizado esta tarea, se procederá a su comparación con su equivalente en el *Código penal de la legislación complementaria*.

Cabe destacar que, en aras de mejorar la comprensión del trabajo y de facilitar al lector el acceso a las fuentes originales, estos dos apartados del objeto de estudio aparecen al final de este trabajo, en forma de anexo. En todo momento, se extraerán datos de esos dos textos, y se indexarán en el cuerpo del texto a modo de ejemplo, cuando sea necesario.

1.2 Metodología

Por lo que respecta a la metodología, este trabajo se ha construido a partir de un modelo hipotético-deductivo, esto es, se ha partido de un trasfondo teórico compartido entre la teoría de la traducción y la lingüística por el cual, a partir de la vinculación de un lenguaje rígido y de sintaxis no tan libre (como es el lenguaje jurídico-administrativo de un código penal) y el concepto de *unidad fraseológica*, que evoca algo similar en lingüística, se han acomodado ciertos datos lingüísticos de corpus.

La hipótesis de partida es que, ciertamente, la rigidez del lenguaje jurídico habilita ciertas unidades fraseológicas de sintaxis muy rígida en ruso, de forma que existen vinculaciones muy estrechas entre ciertas palabras. Esta hipótesis se ha contrastado con datos del ruso actual del código penal y de un corpus lingüístico, que han informado sobre si la unidad está ciertamente vinculada a ciertos contextos cerrados. Este trabajo se encuentra, por tanto, construido a partir de varios ejemplos, para los cuales se han consultado **a)** el *Código Penal de la Federación de Rusia (CPFR)*, obtenido a través de la web, **b)** los datos extraídos de corpus

lingüístico (principalmente, *Sketch Engine*) y c) el *Código Penal y legislación complementaria (CPLC)* de España, también obtenido a través de la web.

Con respecto al segundo punto, cabe hacer un inciso para explicar sucintamente cómo está compuesto el corpus y la forma en que se ha consultado. En primer lugar, cabe destacar que únicamente se ha consultado el corpus lingüístico *Sketch Engine*, disponible en la web, que alberga una amplia cantidad de formas de numerosas lenguas del mundo, entre las cuales se encuentran el español y el ruso. Merece la pena destacar que el corpus está dotado de una base muy nutrida de datos de numerosas lenguas del mundo, entre las que destacan lenguas romances (español, francés, portugués, italiano), germánicas (alemán, neerlandés, inglés), eslavas (polaco, ruso), asiáticas (chino, japonés, coreano) y árabicas (árabe). Esta gran variedad permite la creación de subcorpus dentro de este macrocorpus, de forma que la búsqueda se pueda centrar en lenguas concretas. Dentro de esta amplia variedad, solamente se han usado dos subcorpus, compuestos, por un lado, por el *corpus de la lengua española* (compuesto por un total de 16 951 839 897 formas) y, por otro lado, por el *corpus de la lengua rusa* (compuesto por un total de 14 553 856 113 formas). Ambos corpus están conformados, en su mayoría, por textos de la página web Wikipedia y por textos pertenecientes a páginas web relacionadas con el ámbito jurídico-administrativo, así como por periódicos generales de diferentes países.

A la hora de buscar las formas típicas de los códigos penales, el corpus en cuestión permite tipos de búsqueda muy variados. Por un lado, permite búsquedas más sencillas, relacionadas con búsquedas no lematizadas o lematizadas. Por otro lado, el motor del corpus también permite búsquedas más complejas y rígidas, en virtud de ciertas herramientas que permiten incluso combinar la lematización con la proximidad entre palabras y la categoría gramatical a la que cada palabra debe pertenecer. En este sentido, se ha accedido a la búsqueda por CQL, que, como explican los propios creadores del corpus, permite encontrar unidades lexicalizadas y de sintaxis no libre. Este tipo de búsqueda es perfecta para hallar unidades fraseológicas, que, como se verá más adelante, pueden definirse, a grandes rasgos, como unidades lingüísticas de sintaxis rígida que han perdido su significado léxico original.

Una vez obtenidos los resultados en cada lengua, se ha procedido a filtrarlos y a poner el foco únicamente en los datos que aparecen en los textos jurídico-administrativos, para comprobar que se ha establecido bien la relación entre estas unidades y las unidades fraseológicas en cuestión. Asimismo, la búsqueda de los datos del español se ha reducido espacialmente al español de la actual España, y los datos del ruso se han reducido a todo el actual país de Rusia.

Por lo que respecta a los códigos penales de Rusia y España, merece la pena comentar que se han obtenido mediante la web, y siempre se ha tratado de analizar las últimas versiones de los códigos penales de ambos países, esto es, la versión actualizada del 10 de noviembre de 2021, en el caso de España, y la versión del 13 de junio de 1996, en el caso de Rusia. Como el texto del que se parte es el *Código Penal de la Federación de Rusia*, puesto que la lengua de partida es el ruso, solo se ha añadido este al final del trabajo, en forma de dos anexos (*cf. Anexo I y Anexo II* para acceder al texto completo directamente). En ellos pueden encontrarse, señaladas con negrita y subrayado, las unidades fraseológicas de las dos partes analizadas del *Código Penal de la Federación de Rusia*.

Dentro de la metodología, resulta inevitable añadir un comentario sobre ciertas limitaciones y dificultades a las que se ha enfrentado este trabajo. La limitación más notable está relacionada con el acceso a los datos, que siempre son un problema para cualquier investigación. Sin duda, los corpus, aunque con un repertorio muy amplio, suelen ser dispersos, y no todos siguen los mismos criterios de almacenamiento de datos; las herramientas de búsqueda son buenas, pero no lo suficientemente finas y sofisticadas como para llegar siempre al dato que pretende buscarse. Otra limitación está relacionada con las licencias de *Sketch Engine*: la Universidad de Alcalá tenía una suerte de convenio con este corpus, de forma que era gratis para los estudiantes; pero, hace no muchos meses, la licencia quedó limitada, y ahora el corpus es de pago (o de un mes de prueba). Por ello, el acceso ha tenido que ser muy rápido.

1.3 Objetivos de la investigación

El estudio propuesto tiene por objetivo desarrollar principalmente las siguientes preguntas de investigación, cuyas respuestas se espera aportar en las conclusiones. Las preguntas de investigación (PI) se enuncian a continuación:

- ❖ **PI 1:** ¿Existen unidades fraseológicas vinculadas a entornos concretos del lenguaje jurídico-administrativo del *Código Penal de la Federación de Rusia*?
- ❖ **PI 2:** En caso de que la primera pregunta sea afirmativa, ¿se trata de unidades fraseológicas vinculadas también a otros textos de corpus con características similares a los textos jurídico-administrativos?
- ❖ **PI 3:** ¿Qué traducción al español podría ofrecerse para estas unidades fraseológicas del *Código Penal de la Federación de Rusia* y qué problemas se encuentran?

Si bien a lo largo del trabajo se responde a las anteriores preguntas, el objetivo central del estudio consiste en demostrar que, una vez asumido el hecho de que, ciertamente, es asumible la existencia de ciertas unidades lingüísticas vinculadas a entornos del lenguaje jurídico (*Hipótesis 1*, para PI 1), existen unidades fraseológicas vinculadas a otros textos jurídicos de corpus (*Hipótesis 2*, para PI 2), algo similar de lo que ocurre en español (*Hipótesis 3*, para PI 3). El problema central consiste en cómo traducir una unidad fraseológica del ruso al español, cuando es posible que en español no se trate de una unidad fraseológica, o sea necesario recurrir a otro tipo de unidad lingüística para denotar el concepto que se quiere expresar en ruso.

2. MARCO TEÓRICO

En este apartado se presentan las nociones teóricas necesarias para comprender la consecución del estudio, y se encuentra estructurado como sigue. Abre el apartado un subapartado donde se presentan las características básicas del texto jurídico ruso y del texto jurídico español (§ 2.1), seguido de un subapartado donde se presentan los problemas de equivalencia en los textos jurídicos (§ 2.2). A continuación, con el objetivo de concretar ciertos presupuestos teóricos de la disciplina de la lingüística, se introduce el término de *unidad fraseológica*, en especial los subtérminos *colocación* y *locución* (§ 2.3). Finalmente, se cierra el capítulo con algunas reflexiones sobre los códigos penales como objeto de estudio (§2.4).

2.1 Características del texto jurídico ruso y del texto jurídico español

Cabe afirmar que, en la actualidad, se observa una gran tendencia a definir, denominar y reglamentar cada elemento y coyuntura actual de nuestra existencia. Este fenómeno se debe a un acusado avance tecnológico-científico durante las últimas décadas. Aunque resulta curioso que dicha tendencia, que experimentamos actualmente, es semejante a la que desde sus comienzos presentaba el ámbito de estudio del derecho. Manifiestamente, desde que empezaron a formarse las primeras sociedades, una de las primeras acciones realizadas fue el establecimiento de las normas de convivencia que se basaban en la justicia y la soberanía, y regulaban los conflictos surgidos entre los miembros de sociedad. Por todo lo anterior, puede definirse informalmente *derecho* como el sistema de normas y reglamentos de un carácter obligado y punitivo sin el cual no puede existir ninguna sociedad civilizada. A su vez, esas normas y reglamentos constados por escrito tienen su propia estructura e incluso lengua. Teniendo en cuenta esta peculiaridad en el primer punto del trabajo, se considerará el concepto

de *texto jurídico* y se proporcionará un análisis comparativo de los textos jurídicos españoles y los textos jurídicos rusos, en virtud de ciertas clasificaciones y de características básicas.

Una notable contribución al desarrollo teórico del texto jurídico y de su traducción a otras lenguas se ha llevado a cabo en estudios como el de Mayoral (1999), el de Borja (2000) y el de Lobato (2007), entre otros muchos, cuyas aportaciones han sido muy bien resumidas en Gutiérrez Arcones (2015). Teniendo en cuenta las anteriores referencias, se abordará ahora el término *texto jurídico*. Según la definición expuesta en Borja (2000), el texto jurídico se define como sigue:

La traslación de una lengua a otra de los textos que se utilizan en las relaciones entre el poder público y el ciudadano (por ejemplo: denuncias, querellas, exhortos, citaciones, leyes) y también, naturalmente, de los textos empleados para regular las relaciones entre particulares con transcendencia jurídica (que dan lugar a contratos, testamentos o poderes).

(Borja 2000, adaptado de Gutiérrez Arcones 2015)

Asimismo, desde la bibliografía en ruso, en Shlepnev (2017) se entiende por *textos jurídicos* aquellos textos de diferentes géneros, en diferentes situaciones comunicativas, que tienen en común su relación institucional con la creación, aplicación y aclaración de la ley. Según estas definiciones, puede deducirse que ambos investigadores comparten un enfoque jurídico. Sin embargo, en Mayoral (1999) se presenta un enfoque más interdisciplinar, ya que se refiere a los aspectos tanto lingüísticos como jurídicos. En este estudio se considera que los textos jurídicos son mensajes que se aplican a comunidades con sistemas jurídicos que le son propios, y que muchas veces deben adaptarse a las exigencias de sistemas jurídicos ajenos, esto es, sistemas jurídicos que le son impropios a una comunidad concreta (Mayoral 1999). Los objetivos de este trabajo están en consonancia con el punto de vista de Mayoral (1999).

En cuanto a las características lingüísticas que corresponden al texto jurídico, se han analizado las clasificaciones que se proporcionan en Lobato (2007) (*apud* Gutiérrez Arcones 2015) y en Gutiérrez Álvarez (2010). Entre ellas, pueden destacarse las siguientes:

1. En el nivel léxico:

- a) Se observan tanto palabras jurídicas de uso generalizado, como tecnicismos jurídicos (*cohecho, litisconsorcio, anticresis*) y frases hechas (*iurios tantum, ex nunc*, etc.).
- b) Arcaísmos: *otrosí*, etc.

2. En el nivel gramatical:

- a) Uso excesivo de las construcciones pasivas e impersonales, ejemplo: «*se administra en nombre del Rey...*».
- b) Uso del futuro de subjuntivo, ejemplo: *se hallare, no cumpliere*.
- c) Uso de adjetivos en sintagmas nominales: «... se fundamenta en la *INDISOLUBLE* unidad...».
- d) Uso frecuente del gerundio: «*ocultando, alterando o utilizando* el cuerpo...».
- e) Abundancia de oraciones subordinadas.
- f) Construcciones perefrásticas: *daños y perjuicios, cargas y gravámenes*.

(Adaptado de Lobato 2007 y Gutiérrez Álvarez 2010)

En cuanto al estilo, en Cobos López (2012: 48) se afirma que se trata de “un estilo que carece de sencillez”, y proporciona unas características inherentes a este tipo de texto, entre las cuales se han resaltado como primordiales los cuatro siguientes conceptos:

- objetividad debida al uso de cultismos y construcciones impersonalizadas,
- estilo prohibitivo, a causa de una abundancia de frases negativas,
- precisión y claridad, lo que implica abundante empleo de locuciones,
- convencionalismo, el tono de cortesía.

(Adaptado de Cobos López 2012)

Curiosamente, la mayoría de las características mencionadas puede aplicarse al texto jurídico ruso. Aunque entre las peculiaridades del texto jurídico ruso se puede destacar el predominio del presente de indicativo, en el lenguaje jurídico español, con mucha frecuencia, se pueden observar tiempos verbales del futuro simple; lo cual permite concluir que los textos jurídicos españoles tienen un carácter más obligatorio (Isolajty 2008). En los textos jurídicos rusos

también se observa un carácter prescriptivista, pero se expresa a través de otros medios, que se resumen a continuación según lo expuesto en Verba y Guzmán Tirado (2005):

- Uso de infinitivos: *обеспечить своевременную выплату зарплаты; восстановить в должности; отчитаться; принять к сведению; внести предложение; рекомендовать; изъять из употребления.*
- Evitación del uso del imperativo, recurriendo a construcciones verbales obligativas: *должен, обязан, обязателен, подотчетен, подсуден, ответствен.*

(Adaptado de Verba y Guzmán Tirado 2005)

Asimismo, cabe analizar de manera más exhaustiva algunas características morfosintácticas relacionadas con el sustantivo y el adjetivo, puesto que se acusa cierta carencia de conocimientos sobre esas partes del discurso, que claramente puede dificultar la traducción de un texto jurídico.

De la investigación de Verba y Guzmán Tirado (2005) se sigue que en la terminología jurídica, tanto española como rusa, predomina una tendencia a la nominalización de las formas verbales (p. ej., esp. “enajenar” – “enajenación”, “divulgar” – “divulgación”, “heredar – herencia”, etc.; rus. “согласовывать” – “согласование”, “подписывать” – “подписание”, “не допускать” – “недопустимость”). Sin embargo, como se ha mencionado antes, el lenguaje jurídico español destaca por la presencia de estructuras perifrásticas que son, básicamente, dos sustantivos sinónimos que no se corresponden con el lenguaje jurídico ruso, por lo cual en estos casos se acusa la omisión, como ocurre en “voz y voto” – “голос”, “riñas y pendencias” – “споры”, “armonía y concordia” – “согласие”, etc. En ambas lenguas, se manifiesta el empleo de sustantivos que forman parte de colocaciones con un verbo, en lugar de usar un verbo con el mismo significado (p. ej., esp. “tomar parte” – “participar”, “realizar pagos” – “pagar”, “imponer una reclamación” – “reclamar”; rus. “вносить дополнения” – “дополнять”, “вносить уточнения” – “уточнять”, “производить оплату” – “оплачивать”). En cuanto a los adjetivos, según Verba y Guzmán Tirado (2005), la adjetivación en el lenguaje jurídico suele ser especificativa, esto es, adjetivación que concreta el significado del sustantivo. Tanto los textos jurídicos rusos como los textos jurídicos españoles presentan una acusada abundancia de adjetivos que acompañan a sustantivos sin ningún tipo de conectores (p. ej., esp. “cuota íntegra

ajustada positiva”, “libre uso público (y) gratuito”; rus. “эмиссионные ценные бумаги”, “некоммерческие юридические лица”).

Sin embargo, en los textos jurídicos españoles, un mismo sustantivo puede estar acompañado por un adjetivo antepuesto que dispone de una función explicativa, y otro pospuesto con una función especificativa. Es natural que en la lengua española predomine la posposición del adjetivo, aunque en los textos jurídicos lo más frecuente es encontrarse con la anteposición (Verba y Guzmán Tirado 2005). En cambio, en ruso, independientemente del tipo de texto, el adjetivo se coloca casi siempre antes del sustantivo. A continuación, se cita como ejemplo una frase del trabajo de Verba y Guzmán Tirado (2005: 26), y luego se emplea una traducción para analizar la posición de los adjetivos en las lenguas bajo análisis.

- Ejemplo: *El secretario es el único funcionario competente para dar fe con plenitud de efecto de las acciones judiciales.*
- Traducción al ruso del anterior ejemplo: *Секретарь является единственным компетентным должностным лицом, которое имеет полномочия протоколировать судебные разбирательства.*

Esta complicación del lenguaje es muy característica de los textos jurídicos, y será relevante en el análisis que se propone en este estudio: los textos jurídicos también se caracterizan por el uso de unidades fraseológicas, que son rígidas y se usan, como se comprobará más adelante, en entornos del lenguaje concretos, como es el caso de los códigos penales.

Otro aspecto importante que cabe analizar es la estructura sintáctica de los textos jurídicos rusos y españoles. En Verba y Guzmán Tirado (2005) se presentan las características de estos textos de forma detallada, pero en este trabajo se resumen los puntos más significativos. Principalmente, los textos jurídicos rusos y españoles se componen por párrafos compuestos alrededor de veinte o treinta líneas y constituidos de una o dos frases largas, que complican la comprensión en general, debido al predominio de oraciones subordinadas o enumeración. Para confirmar dicho postulado, se presenta un párrafo en español, extraído del *CPLC* del 10 de noviembre de 2021, como se ve en (1), que se analizará posteriormente, en la parte práctica del trabajo. Otro ejemplo para justificar la característica mencionada de los textos rusos está extraído del *CPFR* de 13 de junio de 1996 (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ), como se ve en (2).

(1) La Ley Orgánica 5/2000, de 12 de enero, reguladora de la responsabilidad penal de los menores, en el apartado 24 de su exposición de motivos, prevé una regulación más extensa de algunos de sus aspectos en el reglamento que en su día se dicte en su desarrollo. Asimismo, en diferentes artículos de la ley orgánica hay llamamientos concretos al desarrollo reglamentario para establecer: la periodicidad con que se remitirá al juez de menores y al Ministerio Fiscal los informes sobre la ejecución de la medida y sus incidencias, y sobre la evolución personal de los menores sometidos a ellas; los permisos ordinarios y extraordinarios de los que podrá disfrutar el menor internado; los requisitos para trasladar al menor de centro fuera de la comunidad autónoma; el derecho del menor a comunicarse libremente con sus padres y familiares, y a disfrutar de salidas y permisos; el derecho de las menores internadas a tener en su compañía a sus hijos menores de tres años; la forma y la periodicidad de las actuaciones de vigilancia y seguridad en los centros; los medios de contención para evitar actos de violencia, impedir actos de fuga y daños en las instalaciones, o ante la resistencia a las instrucciones del personal del centro, y el régimen disciplinario de los centros para la ejecución de las medidas privativas de libertad.

(CPLC, sec. 8, p. 541)

(2) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частями второй-четвертой статьи 111, частью второй статьи 126, статьями 127.1, 127.2, частью второй статьи 141, статьей 141.1, частью второй статьи 142, статьей 145.1 (если преступление совершено из корыстных побуждений), статьями 146, 147, статьями 153-155 (если преступления совершены из корыстных побуждений), статьями 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 174, 174.1, 183, частями третьей и четвертой статьи 184, статьями 186, 187, 189, 191.1, 201.1, частями пятой - восьмой статьи 204, статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, частью второй статьи 228.2, статьями 228.4, 229, 231, 232, 234, 235.1, 238.1, 240, 241, 242, 242.1, 258.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1 - 282.3, 283.1, 285, 285.4, 290, 295, 307-309, частями пятой и шестой статьи 327.1, статьями 327.2, 355, частью третьей статьи 359, статьей 361 настоящего Кодекса, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, ответственность за которое установлена статьями 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 настоящего Кодекса, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

(CPFR, art. 104.1, p. 44)

Otra característica es la introducción de estructuras adversativas, disyuntivas y concesivas que plantean excepciones dentro de los reglamentos o las normas. A continuación, en (3) y (4), respectivamente, se señalan los ejemplos extraídos del *CPLC* y *CPFR*:

- (3) No obstante, tendrán efecto retroactivo aquellas leyes penales que favorezcan al reo, aunque al entrar en vigor hubiera recaído sentencia firme y el sujeto estuviese cumpliendo condena.

(*CPLC*, sec. 1, art. 2, p. 3)

- (4) Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

(*CPFR*, art. 28, p. 8)

También predominan las oraciones condicionales, con el fin de detallar los casos y las condiciones para aplicar la ley, como se aprecia en (5) y (6).

- (5) Si mediara petición de indulto, y el Juez o Tribunal hubiere apreciado en resolución fundada que por el cumplimiento de la pena puede resultar vulnerado el derecho a un proceso sin dilaciones indebidas, suspenderá la ejecución de la misma en tanto no se resuelva sobre la petición formulada.

(*CPLC*, sec. 1, art. 4, p. 4)

- (6) Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

(*CPFR*, art. 29, p. 8)

Asimismo, es normal el uso frecuente de oraciones temporales para indicar las circunstancias en que se realiza un hecho o se aplica una norma, como se ve en (7) y (8).

- (7) Tan pronto como se ordene la incoación del procedimiento para las causas ante el Tribunal del Jurado, se pondrán en conocimiento del Ministerio Fiscal quien comparecerá e intervendrá en cuantas actuaciones se lleven a cabo ante aquél.

(CPLC, sec. 5, art. 306, p. 316)

- (8) Для целей настоящей статьи под незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, совершенной неоднократно, понимается продажа такой продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

(CPFR, art. 171.4, p. 94)

En base a todo lo anterior, puede afirmarse que los textos jurídicos rusos y españoles presentan tanto tendencias comunes como peculiaridades diferentes inherentes a la lengua en que se encuentran redactados. Entre sus características comunes, cabe subrayar las siguientes: uso de tecnicismos, léxico arcaico, uso excesivo de estructuras impersonales, adversativas, oraciones subordinadas largas, introducción de oraciones condicionales y temporales, tendencia a la nominalización, estilo carente de sencillez, y rigidez en el lenguaje (de ahí, como se verá, el uso de unidades fraseológicas). Sin embargo, se observan características diferentes a nivel gramatical. Con el fin de conseguir un carácter prescriptivista en los textos jurídicos rusos, se utiliza el presente indefinido, construcciones verbales obligativas e infinitivo, mientras que en los textos jurídicos españoles predomina el futuro simple. En ambos textos, se observa la adjetivización, pero en los textos jurídicos españoles un mismo sustantivo está acompañado por un adjetivo antepuesto con una función explicativa y otro pospuesto, con una función especificativa, mientras que en ruso destaca la anteposición con respecto al sustantivo. Entre otras peculiaridades de los textos jurídicos españoles, cabe señalar las siguientes: uso del futuro de subjuntivo, uso frecuente del gerundio y construcciones perifrásticas.

2.2 Problemas de equivalencia en los textos jurídicos

Antes de investigar los problemas de equivalencia de la traducción en los textos jurídicos, es necesario definir qué es *traducción* y qué es *traducción jurídica*. El término “traducción” puede recibir muchos significados, y su definición depende de los objetivos de

investigación y de la afiliación del investigador a una determinada escuela de pensamiento. En este sentido, en Chernyakhovskaya (1976) se parte de los métodos de investigación estructural y se define “traducción” como una transformación de la estructura de una obra discursiva, como resultado de la cual, manteniendo inalterado el plan de contenido, se modifica el plan de expresión: una lengua se sustituye por otra. En el diccionario-terminológico *Osnovnie ponyatia perevodovedenia*, se menciona a Komisarov (1973), que sigue a las teorías semánticas y afirma que la traducción “заключается в раскрытии сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода” (Komisarov 1973: 38).² Entre las investigaciones actuales que también se encargan de estudiar los problemas relacionados con la traducción, destaca Latysheva y Romanov (2009), que comparten el punto de vista de Komisarov (2010), añadiendo que la traducción es “тип межъязыкового общения” (Latysheva y Romanov 2009: 2)³. La postura de Komisarov (2010) y sus partidarios se ajusta a los objetivos de la investigación planteada aquí, puesto que se considera desde la perspectiva de receptor-destinatario del mensaje del *texto meta* (TM), es decir, la traducción se puede considerar exitosa en caso de que su receptor entienda que el texto se reproduce como si fuera original, desde el punto de vista de la estructura y el contenido. Es evidente que existen diferentes tipos de traducción, y cada una presenta ciertos requisitos; pero, debido a que en este trabajo se investiga la traducción jurídica, cuya información principal es informar al receptor, la última definición es más apropiada.

Con la aparición de la disciplina de la traducción, el traductor, a la hora de efectuar su trabajo, se enfrentaba constantemente con la necesidad de elegir entre diferentes formas de traducción, de decidir qué es lo más importante y lo que debe plasmarse en el TM, y de dar prioridad a un método o a otro para superar las dificultades con las que se encontraba. En función de las preferencias de traducción elegidas por el traductor, se han formado ciertos supuestos principios de la traducción. En consecuencia, desde la antigüedad se debate la cuestión de realizar una traducción cercana al *texto original* (TO). Es sabido, que, por ejemplo, las primeras traducciones de la Biblia (u otras obras consideradas sagradas), destacaban por la tendencia a copiar el original literalmente, lo que a veces conducía a una incomprensión total de la traducción. Por lo tanto, más tarde, algunos traductores trataron de vincular el derecho del traductor a una mayor libertad, considerando que lo más importante es reproducir el sentido general. De ahí proviene la discusión sobre una traducción literal y una traducción libre, que sigue debatiéndose también en la actualidad.

² ‘Consiste en revelar la esencia de las relaciones equivalentes entre el contenido del original y la traducción.’

³ ‘Un tipo de comunicación interlingüística.’

En Savory (1968) se analizaron diferentes principios de la traducción según diferentes autores, y se compuso una lista con criterios mutuamente excluyentes, entre los cuales se mencionan a continuación solo los más significativos para este trabajo:

- Una traducción debe transmitir las palabras del original.
- La traducción debe transmitir el pensamiento del original.
- La traducción debe ser como el original.
- La traducción debe leerse como la traducción.
- Una traducción debe reflejar el estilo del original.
- La traducción debe reflejar el estilo del traductor.
- Una traducción puede permitir adiciones y omisiones.
- Una traducción no debe permitir adiciones ni omisiones.

(Adaptado de Savory 1968)

Si se parte de esta lista, cabe señalar que no existe una tendencia que sitúe la traducción libre por encima de la traducción literal, o viceversa. Por lo cual, cada traductor opta por el método que le resulte más adecuado, o en algunos casos aplica diferentes métodos, dependiendo de la función del texto. En este trabajo se investiga sobre la traducción de los textos jurídicos y, por consiguiente, es más apropiado hacer referencia a algunos de los principios básicos de la traducción que se ofrecen en Hurtado Albir (2001).

Uno de ellos es la primacía de la comunicación y la adecuación a la lengua de llegada. Con el fin de expresar la misma intención de comunicación, en cada lengua se emplean medios lingüísticos diversos. Por este motivo, por ejemplo, para expresar que una persona es distinta a los demás, debido a ciertas características, se emplean diferentes fórmulas: en español, “la oveja negra”, en ruso, “белая ворона” (‘cuervo blanco’), y en inglés, “an odd duck” (‘un pato extraño’). Por lo cual, no se puede traducir literalmente en algunos casos, porque el destinatario no llegará a entender el mensaje que se quiere transmitir.

Otro de los principios básicos de Hurtado Albir (2001) es la actualización: el sentido. En este caso, se puede hablar de un concepto clásico en lingüística, como es la polisemia, un medio que se utiliza para ampliar e introducir el vocabulario que da ambigüedad a una palabra, como, por ejemplo, “derecho”. En Hurtado Albir (2001), también la polisemia se ilustra en virtud de un dato como “Cualquier estación es buena para viajar en tren”, que aparece en un

texto publicitario de RENFE. Este dato puede recibir una doble interpretación, ya que la palabra “estación” puede traducirse al ruso como “станция”, en caso de que se refiera a un sitio donde un vehículo efectúa una parada, o como “время года” (Hurtado Albir 2001: 32-33), en caso de que se refiera a cada una de las cuatro porciones de tiempo en que se divide el año.

Si se analizan los ejemplos de los principios básicos expuestos en Hurtado Albir (2001), se confirma la teoría de Komisarov (2002) sobre la imposibilidad de alcanzar una equivalencia concreta en las labores de traducción. No se trata solo de las inevitables omisiones debidas a la dificultad de transmitir un estilo específico, realidades culturales o históricas, sino también del desajuste de los elementos individuales de significado en las traducciones de los enunciados más elementales.

Con el fin de justificar la afirmación anterior, se analiza con más precisión una frase en ruso, como es la siguiente: “Девочка катается на лыжах”. En esta oración, la palabra “катается” está formada por el verbo “катать” (‘montar’) y la partícula “ся”, que significa que la acción se realiza por el mismo sujeto, literalmente “катать себя” (‘montar a mí mismo’). Por lo consiguiente, al traducir esta frase literalmente al español, será “Una chica monta a sí misma en esquí”. Asimismo, cabe señalar que en ruso no existe un tiempo verbal que indique si la acción está sucediendo en el mismo momento o es una acción habitual. Normalmente, en ruso este concepto se percibe en virtud del contexto. Por lo tanto, la traducción correcta sería “Una chica está esquiando”. Según Komisarov (2002), debido a la falta de identidad, la relación entre el contenido del original y la traducción se denota como “equivalencia”. Dado que la importancia de la máxima coincidencia entre el TO y TM parece evidente, la equivalencia suele considerarse una condición básica para la existencia de la traducción.

A continuación, se distingue entre diferentes niveles de equivalencia. En la jerarquía de niveles de equivalencia, existe el siguiente patrón: cada nivel implica una equivalencia en los niveles superiores. Así, la equivalencia en el nivel sintáctico implica la equivalencia en los niveles semántico y pragmático; no existe una relación inversa. La equivalencia pragmática no puede existir sin la equivalencia semántica, y ciertamente no sin la equivalencia sintáctica. La noción de *equivalencia* es una noción normativa, y la desviación de la jerarquía de niveles conduce a violaciones de la norma de traducción. Para utilizar correctamente las correspondencias léxicas, o de diccionario, es necesario distinguir los siguientes tipos de relaciones semánticas entre las palabras:

(9) Si los significados de las palabras en español y en ruso se corresponden completamente, independientemente del contexto, es decir, el significado de una palabra española se transmite por el mismo equivalente; por ejemplo, nombres de países o términos científicos y técnicos, como, por ejemplo, “Venezuela es el país con mayor índice de criminalidad” – “Венесуэла – это страна с высоким уровнем преступности”.

(10) Si el significado de una palabra en español corresponde a varias palabras en ruso, estamos ante una correspondencia variante, en la que el traductor debe tener en cuenta el papel del contexto; por ejemplo, “Acaba de iniciarse la instrucción del proceso y se le informará de todo a su debido tiempo” (Kafka, *El proceso*) – “Процесс/разбирательство только началось и вы будете проинформированы в установленном порядке”.

La búsqueda de equivalencias en la traducción de textos jurídicos presenta ciertas dificultades. Lo primero y más importante es la terminología jurídica. La regla general de la traducción de términos es que un término se traduce por un término. Muchos términos tienen un equivalente estable en ruso, como, por ejemplo, “incoar caso” – “возбудить дело”. Sin embargo, el desarrollo de la ciencia jurídica no se detiene; los términos aparecen, desaparecen y son sustituidos por otros. Por ejemplo, hasta 2015, en la terminología jurídica española existía el término “imputado”; sin embargo, tras la entrada en vigor de las nuevas modificaciones el 5 de abril de 2015 en la *Ley de Enjuiciamiento Criminal*, este término fue sustituido por “investigado” o “encausado”. Debido a estos cambios, los traductores tienen que enfrentarse constantemente a una terminología no equivalente, así como a la falta de equivalentes para algunos de los nuevos significados de los términos.

Otro problema que puede identificarse es un desajuste en el alcance del significado de los términos. La equivalencia absoluta no es posible por dos razones. La primera es que los signos lingüísticos tienen su propia especificidad en las distintas lenguas, y la segunda es la incompatibilidad de las imágenes del mundo creadas por las lenguas, es decir, las diferencias de la propia realidad, la cultura y las civilizaciones de los hablantes de distintas lenguas. En el caso del discurso jurídico, se trata de diferentes imágenes lingüísticas y jurídicas del mundo. Por ejemplo, para el concepto de “daños y perjuicios”, en ruso se utiliza solo una palabra, “ущерб”. Tampoco se puede conseguir una equivalencia absoluta a la hora de traducir, por ejemplo, la clasificación de delitos por gravedad, puesto que en el *CPLC* de España destacan tres tipos de delitos: *graves*, *menos graves* y *leves* (*CPLC*, art. 13); mientras que en el *CPFR* se mencionan los siguientes: *преступления небольшой тяжести*, *преступления средней*

тяжести, тяжкие преступления у особо тяжкие преступления (CPFR, art. 15). Como se puede observar, en el sistema judicial ruso la clasificación de delitos por gravedad es un poco más amplia.

Asimismo, no se puede ignorar a los “falsos amigos del traductor”, que son homónimos interlingüísticos, es decir, pares de palabras en diferentes idiomas que tienen una ortografía o pronunciación similar pero significados diferentes. Las palabras pseudointernacionales pueden dividirse en dos grupos. El primer grupo puede incluir palabras que tienen una ortografía y pronunciación similares, pero un significado completamente diferente. El segundo grupo incluye aquellas palabras que solo tienen uno o dos significados similares a las palabras rusas, pero que difieren en los demás. Por ejemplo, “abogado” – “сторонник”, “защитник”, “активист”, y no solo “адвокат”; “legal” – “законный”, “юридический”, “правовой, судебный”, “правомерный”, y no solo “легальный”.

Los problemas de equivalencia en la traducción de textos jurídicos vienen determinados por una serie de razones, como se ha comprobado anteriormente: la naturaleza lingüística del término, el desajuste entre los sistemas jurídicos de los diferentes estados, la falta de correlación de la traducción. Por lo tanto, solo la consideración de las especificidades de la legislación nacional y del derecho en general puede garantizar una traducción adecuada.

2.3 Hacia una definición de *unidad fraseológica* desde la lingüística

Este apartado está dedicado al desarrollo del término *unidad fraseológica*, que constituye un término perteneciente a la lingüística. En Valguina (2002), bajo el concepto de *unidad fraseológica* (UF) se entiende una combinación de palabras semánticamente indivisibles, que se caracterizan por la consistencia del significado integral especial, la composición de las categorías gramaticales y el valor evaluativo. Las UF se clasifican según una u otra característica, aunque entre las características principales y universales destacan la transposición semántica, la estabilidad y la reproducibilidad. Sobre esta base, siguiendo a Vinogradov (1997), la mayoría de las investigaciones se inclinan por distinguir cuatro tipos de fraseologismos: fusiones, unidades, combinaciones y expresiones. En la bibliografía hispánica, en Corpas Pastor (1996) se señala que existen, básicamente, cuatro UF: locuciones, colocaciones (o *solidaridades léxicas*, según otros autores), paremias y fórmulas rutinarias. En este trabajo, importan simplemente las dos primeras, que serán descritas a continuación, en aras de comprender mejor la propuesta práctica para el *CPFR*.

Según Corpas Pastor (1996), una locución es una UF que tiene los siguientes rasgos distintivos: fijación interna y pérdida de significado semántico, es decir, “estas unidades no constituyen enunciados completos, y, generalmente, funcionan como elementos oracionales” (Corpas Pastor 1996: 88). Entre los criterios propios de las locuciones, en Corpas Pastor (1996) destacan los siguientes: cohesión semántica, cohesión morfosintáctica, criterio acentual y criterio ortográfico. Asimismo, en Corpas Pastor (1996: 93) se plantea que las locuciones se clasifican tradicionalmente de acuerdo con “la función oracional que desempeñan, independientemente de que sean conmutables por palabras simples o por sintagmas”. Según la anterior autora, existen *locuciones nominales, adjetivas, adverbiales y verbales*; dichas locuciones funcionan como elementos oracionales, cuyo núcleo podría sustituir, desde la perspectiva formal, no semántica, a la estructura entera, y desempeñar así sus mismas funciones sintácticas. A continuación, se expone la definición de cada tipo de locución según esta autora, en tanto que tal clasificación será relevante para el análisis de las UF.

En cuanto a las locuciones nominales, cabe señalar que se forman por sintagmas nominales de diversa complejidad. Entre los esquemas sintácticos de estas locuciones, se observan los siguientes: “*sustantivo + adjetivo*”, como es el caso de “golpe bajo”; “*sustantivo + preposición + sustantivo*”, como en “el huevo de Colón”; y dos sustantivos o dos verbos unidos por una conjunción, como en el caso de “tira y afloja”. Las locuciones nominales pueden desempeñar las mismas funciones de un sustantivo o un sintagma nominal.

Con respecto a las locuciones adjetivas, que cumplen funciones oracionales de atribución y predicación, se señala que están formadas por un sintagma adjetivo compuesto de “*adjetivo / participio + preposición + sustantivo*”, como es visible en “listo de manos”, o por dos adjetivos unidos por una conjunción, como se aprecia en “corriente y moliente”. También pertenecen a este grupo las comparaciones estereotipadas construidas con la conjunción “como”, como en “fuerte como un toro”.

En lo que concierne a las locuciones adverbiales, se trata de sintagmas preposicionales que, por relaciones de tipo semántico o funcional, entablan cierta relación con la categoría gramatical de adverbio. La mayoría de ellos son sintagmas prepositivos que cumplen la función de complementos circunstanciales, como, por ejemplo, “por lo pronto”, “a todas luces”, “de golpe y porrazo”.

Por último, cabe mencionar las locuciones verbales, cuyas funciones son la expresión de procesos y la formación de los predicados con o sin complementos, como se aprecia en “nadar y guardar la ropa”. También destacan las locuciones formadas por “*verbo + pronombre*”,

como “cargársela”; “*verbo copulativo + atributo*”, como en “ser la monda”; y “*verbo + complemento circunstancial*”, como en “dormir como un tronco”.

Este apartado también está dedicado al desarrollo del término *solidaridad léxica*, puesto que también será usado en la parte práctica de este trabajo, en aras de determinar si en el lenguaje jurídico-administrativo del *CPFR* existen construcciones cuya sintaxis se muestre rígida. De forma previa a abordar el término propiamente dicho, cabe destacar que, como ocurre en numerosas ocasiones en lingüística (y en ciencias del lenguaje, por lo general), el fenómeno gramatical que se encuentra bajo la etiqueta de *solidaridad lexemática* ha contado, a lo largo de las décadas, con otras denominaciones. Tan es así, que, desde que en Coseriu (1981) se acuñó el término *solidaridad léxica*, se han usado también los términos *solidaridad lexemática* (Salvador 1989-1990) y *colocación* (Corpas Pastor 1996), por nombrar solo los más sonados en la bibliografía. El fenómeno que designan es, sin embargo, el mismo, y por ello en este trabajo se opta por usar la denominación más actual: *colocación*. Pese a esta elección, es preferible realizar una revisión de los postulados teóricos relacionados con el término *solidaridad léxica / lexemática*, que aparecen principalmente en Salvador (1989-1990) y Coseriu (1981), y que constituyen unos postulados muy similares, en realidad, a los que se proponen en Corpas Pastor (1996). De hecho, esta autora explica que “aunque el término *colocación* se haya introducido recientemente en la filología española, lo cierto es que esta noción aparece ya esbozada en la teoría semántica de Coseriu [...] concretamente dentro de las denominadas *solidaridades léxicas*” (Corpas Pastor 1996: 63).

Desarrollando una teoría sobre las dependencias léxicas, construida principalmente sobre las ideas de Porzig (1964), en Coseriu (1981) se define *solidaridad léxica* como sigue:

La determinación semántica de una palabra por medio de una clase, un archilexema o un lexema, precisamente en el sentido de que una clase determinada, un determinado archilexema o un determinado lexema funciona como rasgo distintivo de la palabra considerada.

(Coseriu 1981: 148)

Las solidaridades, según Coseriu (1981), se basan en el hecho de que una unidad perteneciente a un paradigma actúa como rasgo diferencial de otro paradigma. Por ejemplo, “árbol”, al formar parte del paradigma de “plantas”, diferencia los elementos del paradigma formado por los verbos “cortar”, “romper”, “arrancar”, etc., en los que aparece el verbo “talar”, por medio de “árbol”. En Coseriu (1981) se distinguen tres tipos de dependencias lexemáticas,

que se diferencian entre sí por el grado de combinabilidad: *afinidad, selección e implicación*. En el primer caso, la clase de objetos con cuyos nombres se puede combinar aparece como una distinción que limita la combinabilidad de una palabra. Así, el latín SENEX sirve para definir únicamente las denominaciones de las personas. En el segundo caso, el rasgo distintivo que limita la combinabilidad de la palabra es el archilexema, que está presente en el significado de todos sus *compañeros* de campo semántico. Así, el verbo “ездить на...” puede combinarse con nombres de diferentes clases, unidos por un significado común (archilexema): un vehículo terrestre. En el tercer caso, es decir, en la implicación lexemática, la distinción que determina la combinabilidad de una palabra coincide con el lexema completo de la palabra determinante. Así, el adjetivo “alazán” solo puede combinarse con las designaciones de un caballo. Sin embargo, no se observa una diferencia significativa entre el primer y el tercer tipo de solidaridad.

Como esta investigación se basa en el análisis de las colocaciones (o solidaridades léxicas) en los códigos penales de España y Rusia, es preciso saber distinguir entre dos tipos de lexemas, denominados por Coseriu (1981) como “determinantes” y “determinados”, puesto que dichos términos serán utilizados en la parte práctica de este trabajo. Por lexemas determinantes se entienden aquellos “cuyos contenidos están implicados como rasgos distintivos en otros lexemas” (Coseriu 1981: 151), mientras que por lexemas determinados se entienden los que “reciben dichos rasgos distintivos” (Coseriu 1981: 152); por ejemplo, en el significado de la palabra “alazán” está implicado el significado de la palabra “caballo”, que es una subclase de la clase “animales”. Por lo consiguiente, “alazán” es el lexema determinado y “caballo” es el lexema determinante. Entre las solidaridades de expresión, Coseriu (1981) distingue entre solidaridades unilaterales y multilaterales. Las solidaridades unilaterales presentan una ausencia del lexema determinante. Así una secuencia “morder con los dientes” se considera tautológica, puesto que “con los dientes” ya reside en el lexema “morder”, por lo que es un rasgo distintivo primario; según afirma Coseriu, la “determinación de los lexemas determinados es una determinación interna” (Coseriu 1981: 157). En cuanto a las solidaridades multilaterales, los lexemas determinantes pueden manifestarse o no manifestarse en el contexto, por ejemplo, “homo senex”, “el perro ladra”, “cheval alezan” no resultan tautológicas, ya que “senex”, “ladrar” y “alazán” no contienen “homo”, “perro” y “cheval”, respectivamente, sino solo “dicho de seres humanos”, “de perros” o “de caballos”. Esos lexemas no son significativos, ya que de igual manera se entiende que se habla de seres humanos, de perros o de caballos. En este caso, “los lexemas determinados pueden representar a los lexemas determinantes que les corresponden” (Coseriu 1981: 157).

En suma, entre las UF destacan las locuciones, las colocaciones, las paremias y las fórmulas rutinarias. A los objetivos de este trabajo corresponden únicamente las dos primeras UF. Las locuciones, igual que las solidaridades léxicas (o colocaciones), no presentan enunciados ni actos de habla por sí mismas. Según Corpas Pastor (1996), se enuncian las locuciones nominales, adjetivas, adverbiales y verbales. Sin embargo, las solidaridades léxicas son unidades estables, que presentan fijación externa analítica. En Coseriu (1981) se distinguen tres tipos de solidaridades léxicas: afinidad, selección e implicación. En el primer caso, el lexema determinado evoca a una clase léxica. En el segundo caso, el rasgo distintivo que limita la capacidad combinatoria de la palabra es el archilexema. En el tercer caso, el determinado evoca un sistema. Asimismo, en Coseriu (1981) se presenta clasificación de las solidaridades según la expresión, donde se señalan solidaridades unilaterales y multilaterales. Los conceptos presentados en este apartado serán de gran relevancia a la hora de seleccionar, clasificar y analizar las UF del *CPFR*.

2.4 Los códigos penales como objeto de estudio en la traducción jurídica

En este apartado, se consideran los códigos penales de Rusia y España. Dichos documentos legislativos se consideran como la fuente principal del derecho penal y como instrumentos legales que establecen la criminalidad y la punibilidad de los actos en los dos países mencionados.

La legislación penal de la Federación de Rusia está formada por el *CPFR*, que fue aprobado por la Duma del Estado el 24 de mayo de 1996, y promulgado el 1 de enero de 1997. El *CPFR* representa un sistema internamente integrado por normas e instituciones de derecho penal interrelacionadas e interdependientes, que se estructuran dentro del código según su naturaleza y contenido (Alyoshina *et al.* 2016). El *CPFR* consta de dos subsistemas, la Parte General y la Parte Especial, que se dividen a su vez en apartados y capítulos. Estos últimos comprenden artículos que son una forma de expresión de normas penales específicas. Aunque cada parte del *CPFR* tiene su propia función específica, las disposiciones de la Parte General y de la Parte Especial del *CPFR* están interrelacionadas.

La Parte General del *CPFR* consta de seis apartados, que comprenden diecisiete capítulos (arts. 1-104.5). Esta parte define ampliamente los objetivos y principios del derecho penal y consagra los institutos fundamentales del derecho penal: el concepto de “delito” y las categorías de delitos (arts. 14-15), las formas de culpabilidad (arts. 24, 27), los delitos no consumados (arts. 29-31), la complicidad en un delito (arts. 32-36), las circunstancias que

excluyen la criminalidad de un hecho (arts. 37-42), el concepto y los objetivos de la pena (art. 43), los principios generales que rigen las penas (art. 60) y la exención de responsabilidad penal (arts. 75-78), los antecedentes penales (art. 86) y otras disposiciones.

La Parte Especial del *CPFR* consta de seis apartados, que comprenden diecinueve capítulos (arts. 105-361). La Parte Especial contiene disposiciones de derecho penal que describen elementos específicos de los delitos y establecen las penas que pueden imponerse a una persona culpable, en caso de cometer ciertos actos peligrosos.

Los artículos pueden constar de una, dos, tres o más partes, cada una de las cuales está numerada. Las partes, a su vez, pueden contener subapartados, marcados con letras (por ejemplo, punto “a.”, parte 2, art. 105 del *CPFR*). Diferentes partes de un artículo de la Parte General del *CPFR* contienen disposiciones completas separadas, que consagran determinados conceptos y prescripciones jurídicas normativas. Por ejemplo, la parte 1 del artículo 14 del *CPFR* proporciona una definición de delito, y la parte 2 del mismo artículo se refiere a un acto que, aunque formalmente contenga elementos de un delito, no supone un peligro público, debido a su insignificancia, y por lo tanto no constituye un delito.

Los artículos de la Parte Especial del *CPFR* se utilizan para diferenciar la responsabilidad penal, según el grado de peligrosidad social del delito cometido. En ausencia de tal diferenciación, el cuerpo del delito se fija en una parte del artículo, mientras que las circunstancias calificadoras se especifican en diferentes partes del mismo artículo, dispuestas, por regla general, en orden a aumentar la peligrosidad social de los actos representados en él.

La estructura de las normas de la Parte General y la Parte Especial del *CPFR* es diferente, ya que se debe a la naturaleza específica de su contenido y a las funciones que desempeñan. Así, las disposiciones de la Parte General del *CPFR* revelan conceptos, categorías y principios de derecho penal que reflejan el contenido de diferentes elementos de las normas, por lo que no disponen de una estructura generalmente aceptada en la que se señalan tres elementos: hipótesis, disposición y sanciones. En función del contenido y la finalidad, según Alyoshina *et al.* (2016), estas normas pueden subdividirse en 1) normas-definiciones, 2) normas-reglas, 3) normas-principios y 4) normas-declaraciones.

La normativa de la Parte Especial del *CPFR* contiene una descripción de los elementos específicos del delito y una lista de las penas que pueden imponerse al culpable. Estas normas contienen dos elementos estructurales: una disposición y una sanción. La primera describe las características del acto delictivo, y la segunda establece el tipo, el plazo o la cuantía del castigo. La condición para que entre en vigor la norma penal (hipótesis) es una disposición general

(hipótesis general) para todas las normas de la Parte Especial y se determina sobre la base del contenido del art. 8 del *CPFR* (motivos de responsabilidad).

En cuanto al *CPLC* de España, este dispone de una estructura más sistemática: un Título Preliminar y dos Libros que incluyen treinta y cinco títulos y ciento diecinueve capítulos con más de seiscientos artículos. El Título Preliminar del *CPLC* trata de las garantías penales y de la aplicación de la Ley penal (arts. 1-9).

El Libro I se refiere a las disposiciones generales sobre los delitos y las faltas, las personas responsables, las penas y medidas de seguridad y demás consecuencias de la infracción penal (arts. 10-137). Esta parte del libro hace referencia a toda la normativa del derecho penal, regulando de este modo los delitos a las que se aplican sanciones y medidas necesarias, respectivamente (arts. 138-616).

En general, en ambos objetos de investigación se observa una estructura parecida, con la diferencia de que el *CPFR* ruso se divide en dos partes, mientras que el *CPLC* español se divide en dos libros. En cuanto al contenido, cabe señalar que puede enfrentarse con ciertas diferencias entre ambos códigos, como en el caso de la calificación de los delitos, que fue mencionado a lo largo de esta investigación, puesto que cada país tiene su realidad cultural. De ahí se deduce que dichos actos normativos son de gran importancia, ya que regulan las relaciones del derecho penal en la sociedad y, por lo tanto, el traductor que trabaja en el ámbito jurídico debe estar familiarizado no solo con la lengua, en conjunción con su cultura e historia, sino con el sistema jurídico de los países con que trabaja.

2.5 Recapitulación

En este capítulo se ha proporcionado la definición del concepto de *texto jurídico* y se han considerado las características propias del texto jurídico ruso y del texto jurídico español (§ 2.1). A continuación, se han destacado los problemas de equivalencia en los textos jurídicos (§ 2.2), se ha definido el concepto de “UF”, junto con el concepto de “colocación” y el de “locución” (§ 2.3), y se han considerado los códigos penales de Rusia y España (§ 2.4).

En cuanto a la definición del texto jurídico, destacan dos enfoques: por un lado, el puramente jurídico y, por otro, el interdisciplinar. A los objetivos de la investigación corresponde el último; por lo tanto, la visión ofrecida en este estudio coincide con la definición de Mayoral (1999), según cual el texto jurídico es el mensaje que debe surtir efecto en una comunidad lingüística con su propio sistema jurídico. En cuanto a las características del texto jurídico ruso y español, puede afirmarse que los textos jurídicos rusos y españoles presentan

tanto tendencias comunes como peculiaridades diferentes inherentes a la lengua en que se encuentran redactados que, sobre todo, se observan en el nivel gramatical (§ 2.4). Entre sus características comunes, cabe subrayar las siguientes: el uso de tecnicismos, el léxico arcaico, el uso excesivo de estructuras impersonales, adversativas, oraciones subordinadas largas, entre otros rasgos.

En lo que toca a los problemas de equivalencia, este trabajo coincide con la posición de Komisarov (2002), según la cual no es posible conseguir una equivalencia concreta. Los problemas de equivalencia en la traducción de textos jurídicos vienen determinados por una serie de razones, entre las cuales destacan las siguientes: la naturaleza lingüística del término, el desajuste entre los sistemas jurídicos de los Estados y la falta de correlación de la traducción.

En relación con las unidades fraseológicas, se ha establecido que se trata de unidades sintácticamente rígidas que han perdido su significado semántico, de forma que se trata de elementos fosilizados cuyo significado ha quedado convencionalizado (§ 2.2). Siguiendo a Corpas Pastor (1996), estos fraseologismos se han dividido en cuatro, de los que solo interesan dos, a saber: las colocaciones (o *solidaridades léxicas*) y las locuciones. Las locuciones, igual que las solidaridades léxicas o colocaciones, no presentan enunciados ni actos de habla por sí mismas. Según Corpas Pastor (1996), existen las locuciones nominales, adjetivas, adverbiales y verbales. Sin embargo, las solidaridades léxicas son unidades más estables. En Coseriu (1981) se distinguen dos tipos de clasificaciones de las solidaridades léxicas. La primera se basa en la cualidad del determinante y menciona tres tipos de solidaridades: afinidad, selección e implicación. La segunda se basa en la expresión y señala dos tipos de solidaridades: las solidaridades unilaterales y las solidaridades multilaterales.

Por último, por lo que respecta a los objetos de investigación (el *CPFR* y el *CPLC*), se observa que ambos códigos tienen tanto aspectos comunes como diferentes. Cabe señalar que, a pesar de que tienen una estructura parecida, el contenido puede presentar una serie de dificultades, ya que cada país tiene su realidad cultural y tales conceptos, como, por ejemplo, la clasificación de delitos, pueden presentarle al traductor ciertas dudas a la hora de ejercer la labor de traducción.

3. PROBLEMAS DE EQUIVALENCIA EN LA TRADUCCIÓN RUSO-ESPAÑOL EN EL ÁMBITO DE LOS PROCESOS PENALES: HACIA UN ESTUDIO DE CORPUS DE ALGUNAS UNIDADES FRASEOLÓGICAS

Como se ha mencionado anteriormente, en este capítulo se analizará si existen unidades lingüísticas vinculadas al *CPFR* y si se trata de UF vinculadas a otros textos jurídicos de corpus.

A continuación, se procederá a un análisis comparativo, con el fin de investigar si las mismas UF en español son más libres o rígidas. En primer lugar, se analizaron el Apartado II (Delitos) y el Apartado III (Penas) del *CPFR*, de donde se extrajeron 30 unidades fraseológicas (colocaciones y locuciones). Una vez identificadas las unidades, se procedió a la búsqueda de las mismas en el corpus lingüístico *Sketch Engine*, para comprobar que ciertamente se trata de UF ancladas a contextos lingüísticos concretos.

El presente apartado se encuentra dividido como sigue: en primer lugar, se presentan los resultados de la investigación, según el orden en que las UF aparecen en el *CPFR* (§ 3.1). En segundo lugar, se procede al análisis de tales datos (§ 3.2), clasificándolos en locuciones (§ 3.2.1) y colocaciones (§ 3.2.2).

3.1 Presentación de resultados

En este apartado, se presentan las UF extraídas del *CPFR*, según el orden en que aparecen en este código. Los datos que aparecen a continuación son UF, en tanto que satisfacen los requisitos expuestos anteriormente (Corpas Pastor 1996), esto es, se trata de unidades con fijación sintáctica que han perdido el significado semántico original de sus componentes. Los fragmentos en negrita de los datos de (11)-(40) se corresponden con las UF encontradas en los artículos del *CPFR*.

(11) Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но **в силу** малозначительности не представляющее общественной опасности.

(*CPFR*, art 14, p. 4)

(12) **преступления небольшой тяжести.**

(*CPFR*, art.15, p. 4)

(13) **преступления средней тяжести.**

(*CPFR*, art.15, p. 4)

(14) **тяжкие преступления.**

(*CPFR*, art.15, p. 4)

- (15) **особо тяжкие преступления.** (CPFR, art.15, p. 4)
- (16) С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии **смягчающих** наказание **обстоятельств** [...] изменить категорию преступления на менее тяжкую. (CPFR, art. 15, p. 4)
- (17) С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе [...] при отсутствии **отягчающих** наказание **обстоятельств** изменить категорию преступления на менее тяжкую. (CPFR, art. 15, p. 4)
- (18) [...] осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более **мягкое наказание**; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи. (CPFR, art. 15, p. 4)
- (19) **Утратила силу.** (CPFR, art. 16, p. 4)
- (20) При совокупности преступлений лицо **несет** уголовную **ответственность** за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса. (CPFR, art. 17, p. 4)
- (21) Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная **ответственность наступает** по специальной норме. (CPFR, art 17, p. 5)

- (22) Уголовной **ответственности подлежит** лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.
(CPFR, art. 20, p. 5)
- (23) [...] умышленное причинение **тяжкого вреда** здоровью.
(CPFR, art. 20, p. 5)
- (24) [...] умышленное причинение **средней тяжести вреда** здоровью.
(CPFR, art. 20, p. 5)
- (25) Уголовная ответственность за **неоконченное преступление** наступает по статье настоящего Кодекса.
(CPFR, art. 29, p. 8)
- (26) [...] предусматривающей ответственность за **оконченное преступление**, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса.
(CPFR, art. 29, p. 8)
- (27) Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность **доведения преступления до конца**.
(CPFR, art. 31, p. 8)
- (28) Не является преступлением **причинение вреда** посягающему лицу в состоянии необходимой обороны.
(CPFR, art. 37, p. 11)
- (29) Обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, **принудительные работы**, арест.
(CPFR, art. 45, p. 13)

- (30) [...] если они на момент **вынесения** судом **приговора** не отслужили установленного законом срока службы по призыву.
(CPFR, art. 49, p. 15)
- (31) Осужденный, имеющий основное место работы, **отбывает** исправительные **работы** по основному месту работы.
(CPFR, art. 50, p. 15)
- (32) **Исправительные работы** устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.
(CPFR, art. 50, p. 15)
- (33) В случае **злостного уклонения** осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами.
(CPFR, art. 50, p. 15)
- (34) При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за **отбыванием** осужденными **наказания** в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации.
(CPFR, art. 53, p. 16)
- (35) Военнослужащие **отбывают арест** на гауптвахте.
(CPFR, art. 54, p. 17)
- (36) **Пожизненное лишение свободы** устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.
(CPFR, art. 57, p. 18)

(37) При этом период отбывания наказания в тюрьме после зачета времени содержания лица под стражей до **вступления в законную силу** обвинительного приговора суда должен составлять не менее одного года.

(CPFR, art. 58, p. 19)

(38) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного **стечения обстоятельств**.

(CPFR, art. 61, p. 20)

(39) **явка с повинной**, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

(CPFR, art. 61, p. 20)

(40) [...] суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, может **вынести решение** об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

(CPFR, art. 74, p. 28)

3.2 Análisis de los resultados

En este apartado se presenta el análisis de las UF del CPFR. Según los datos expuestos en Corpas Pastor (1996), se han identificado 4 locuciones (§ 3.2.1) y 26 colocaciones (§ 3.2.2). Una vez determinadas las UF, se procede a confirmar por qué estas son locuciones o colocaciones. A continuación, se analizan los resultados de la búsqueda de UF seleccionadas en el corpus *Sketch Engine*, para confirmar su vinculación con otros textos jurídicos.

3.2.1 Locuciones

Las UF presentadas en este apartado no son el resultado de la suma de los significados de las palabras que las constituyen, y funcionan como una determinada clase de palabras, lo que se corresponde con la idea de que se trata de locuciones. Por ejemplo, la locución “доведение (преступления) до конца” significa “завершение (преступления)”. En primer lugar, su significado no se deduce por la suma de sus componentes; en segundo lugar, funciona como una palabra, “завершение”. Lo mismo se observa en la locución “вступление в

законную силу”, que actúa como una palabra, “действующий”. Otra locución es “явка с повинной”, cuyo significado es “раскаяние”. En este caso, como en los anteriores, no puede modificar ningún componente, porque tiene una estructura fija y funciona como un elemento oracional. Entre las locuciones mencionadas, se presentan una locución prepositiva (“в силу”) y tres locuciones nominales (“доведение преступления до конца”, “вступление в законную силу”, “явка с повинной”). A continuación, a través de corpus *Sketch Engine* se analiza si dichas locuciones están vinculadas a otros textos jurídicos.

En primer lugar, se considera la locución prepositiva “в силу”, presentada dentro del contexto *CPFR*, en (41).

(41) Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но **в силу** малозначительности не представляющее общественной опасности.

(*CPFR*, art 14, p. 4)

Según el ejemplo mencionado, la locución prepositiva “в силу” se emplea para expresar un valor causal. A la hora de cotejar esta UF con el corpus *Sketch Engine*, se obtiene el resultado de que en la mayoría de los casos dicha locución se emplea en los textos jurídicos que están dentro de documentos jurídicos, tales como estatutos, leyes, constituciones, etc., o sitios webs dedicados al tema del derecho. A continuación, se considera un ejemplo de un sitio web dedicado a las noticias en el ámbito de la economía y el derecho: “*В силу* приведенных нормативных положений председатель суда при рассмотрении квалификационной коллегией судей вопроса о досрочном прекращении полномочий судьи выступает в соответствующих процедурах” (*Sketch Engine*, akdi.ru).

Sin embargo, también se observa, aunque de forma minoritaria, el uso de la locución “в силу” en ciertos sitios webs dedicados a los temas de salud, tecnología, etc., como en el siguiente dato: “*В силу* того, что с каждым годом у большинства «офисных» работников происходят боли в позвоночнике, поможет краткий комплекс упражнений для позвоночника” (*Sketch Engine*, fresh-lady.ru).

En segundo lugar, se considera la locución nominal “доведение (преступления) до конца”, que se utiliza para llevar a cabo una acción, en este caso, un delito, como se aprecia en (42).

(42) Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность **доведения преступления до конца**.

(CPFR, art. 31, p. 8)

Según los datos de *Sketch Engine*, se sigue que la locución mencionada se emplea solo en los textos jurídicos expuestos en los sitios webs dedicados al derecho. A continuación, se cita un ejemplo de un sitio web relacionado con una consulta de abogados dedicados a cualquier rama del derecho (penal, civil, mercantil, etc.): “Добровольный отказ от преступления - это прекращение приготовления к нему или прекращение самих неоконченных преступных действий, если лицо осознало возможность *доведения преступления до конца*” (*Sketch Engine*, ex-jure.ru). No obstante, cabe señalar que, a la hora de ejercer la búsqueda en el corpus, se ha observado el uso de un sinónimo “закончить преступление”, que se emplea también en los documentos jurídicos, aunque con poca frecuencia, mientras que aparece en la mayoría de los casos en las novelas policiacas, resúmenes para películas o sitios webs no dedicados profesionalmente al derecho. A continuación, se presenta un ejemplo del corpus con un enlace al resumen de la película: “Основными подозреваемыми становятся двое молодых людей корейско-американского происхождения, Пирсон и Алекс, какие были в уборной после убитого. И ныне суд должен ввести, кто же *закончил преступление*” (*Sketch Engine*, filmesvalka.ru). Por lo tanto, se concluye que la locución “довести преступление до конца” es rígida y se utiliza solo en el lenguaje jurídico.

La siguiente locución nominal es “вступление в законную силу”, que significa que un artículo o una ley entran en vigor, y aparece en (43).

(43) При этом период отбывания наказания в тюрьме после зачета времени содержания лица под стражей до **вступления в законную силу** обвинительного приговора суда должен составлять не менее одного года.

(CPFR, art. 58, p. 19)

El análisis de los resultados obtenidos por el corpus confirma que dicha locución se aplica solo en los documentos jurídico-administrativos, puesto que todas las referencias obtenidas por el corpus pertenecen a las leyes, contratos o sitios webs creados por abogados con el fin de prestar ayuda jurídica a sus clientes. Como ejemplo, citamos el siguiente: “*вступления в законную силу решения суда об исключении участника общества из общества либо решения суда о передаче доли или части доли обществу в соответствии с пунктом 18 статьи 21 настоящего Федерального закона*” (*Sketch Engine, usterra.ru*).

La siguiente locución es “явка с повинной” extraída del *CPFR*, que se aplica para las personas que están dispuestos a declarar su delito de manera voluntaria, y aparece en (44).

(44) **явка с повинной**, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

(*CPFR*, art. 61, p. 20)

Según los datos obtenidos a través de corpus, cabe señalar que dicha locución se aplica solo en contextos jurídicos, ya que aparece solo en los documentos jurídicos o sitios webs relacionados con el tema de derecho. Por lo tanto, la locución “явка с повинной” es puramente jurídica y está vinculada a otros textos jurídicos, aparte del *CPFR*.

En suma, las locuciones analizadas, en general, se emplean solo para los textos jurídicos. Aunque cabe destacar que este hecho está relacionado con las locuciones nominales, mientras que la locución prepositiva “в силу” abarca el abanico de textos más amplio. Sin embargo, la locución prepositiva mencionada se utiliza solo en el registro oficial.

3.2.2 Colocaciones

Las UF presentadas en este apartado establecen entre sus componentes una relación de solidaridad léxica en la que una *unidad léxica* (UL) modifica o pormenoriza a la otra, como se explicó previamente, a lo largo del trabajo. A diferencia de las locuciones, tienen cierta flexibilidad, como ocurre, por ejemplo, en el caso de “violar / infringir / transgredir las normas”. En el Apartado II (Delitos) del *CPFR*, llama la atención la clasificación de los delitos presentados en los ejemplos (45)-(48).

- (45) **преступления небольшой тяжести.** (CPFR, art.15, p. 4)
- (46) **преступления средней тяжести.** (CPFR, art.15, p. 4)
- (47) **тяжкие преступления.** (CPFR, art.15, p. 4)
- (48) **особо тяжкие преступления.** (CPFR, art.15, p. 4)

Según la clasificación rusa de los delitos, destacan cuatro tipos de delitos según su gravedad, mientras que en la clasificación española solo aparecen tres tipos. Se puede suponer que, de manera literal, dichas UF se traducen al español como “delitos menos graves”, “delitos de media gravedad”, “delitos graves” y “delitos particularmente graves”. Sin embargo, los equivalentes de las UF en español se consideran en el siguiente apartado (§ 3). Una serie de sinónimos del lexema “тяжкий” (‘grave’) está representada por signos lingüísticos como “тяжелый”, “тягчайший”, “нелегкий”, “невыносимый”, “трудный”, “серьезный”, etc. Sin embargo, el componente de la colocación “тяжкий” no puede ser sustituido por ninguno de los lexemas de la serie sinonímica, lo que demuestra la naturaleza coloquial de las combinaciones de UF mencionadas.

En lo que toca al corpus, los datos obtenidos demuestran que las colocaciones “преступления небольшой тяжести”, “преступления средней тяжести”, “тяжкие преступления” y “особо тяжкие преступления” se utilizan en la documentación jurídica o sitios webs que hacen referencia al CPFR. A continuación, se presenta un ejemplo extraído de una lista de documentos requeridos destinada a los clientes que necesitan el servicio de abogados: “справку об отсутствии неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики, а также за *преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления*” (Sketch Engine, m-auditchamber.ru). Dado que dichas colocaciones aparecen solo en documentos jurídicos, se concluye que la colocación es característica propia de documentos legales.

Otra UF, que aparece en (49), es “смягчающие обстоятельства”, cuya traducción en español sería “circunstancias atenuantes”.

- (49) С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии **смягчающих** наказание **обстоятельств** [...] изменить категорию преступления на менее тяжкую.

(CPFR, art. 15, p. 4)

Entre los sinónimos del lexema “смягчающий”, destacan “облегчающий”, “ослабляющий”, etc. Hacemos hincapié en que, en la UF mencionada, el lexema “смягчающий” no puede ser sustituido por ninguno de los sinónimos, lo que confirma que esta UF es una colocación. Después de confirmar que la anterior UF es una colocación, se analiza el tipo de texto donde puede aparecer dicha colocación. Entre los ejemplos presentados en el corpus, destacan los siguientes: textos periodísticos (noticias sobre delitos penales) y documentación jurídica. He aquí un ejemplo de texto jurídico de un sitio web de un juzgado municipal de Rusia: “*смягчающие обстоятельства* и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве” (*Sketch Engine*, sudrf.ru). Por lo consiguiente, la colocación “смягчающие обстоятельства” está vinculada eminentemente a los textos jurídicos.

Una situación similar ocurre con UF “отягчающие обстоятельства” (‘circunstancias agravantes’), es decir, el lexema “отягчающий” no puede ser sustituido por ningún sinónimo como “отягощающий” o “обременяющий”. En (50) se aprecia esta UF.

- (50) С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе [...] при отсутствии **отягчающих** наказание **обстоятельств** изменить категорию преступления на менее тяжкую.

(CPFR, art. 15, p. 4)

Asimismo, en el corpus usado, la colocación “отягчающие обстоятельства” aparece en los textos jurídicos, como se ve en el siguiente dato: “Согласно ч. 2 ст. 67 УК смягчающие или *отягчающие обстоятельства*, относящиеся к личности одного из соучастников,

учитываются при назначении наказания только этому соучастнику” (*Sketch Engine*, ex-jure.ru).

La siguiente UF es “мягкое наказание”, que se aplica a una forma de castigo que no sea muy estricto. Es curioso que en ruso se dice “un castigo suave”, puesto que el lexema “мягкий” se define como “такой, который легко поддается сжатию, давлению, не дает при надавливании ощущение жесткости” (Denisova y Morkovkina 1983: 294).⁴ Asimismo, según el diccionario *Slovar sochetaemosti slov russkogo yazyka* (2014), entre los sinónimos para la UL “мягкий”, se mencionan “нежный”, “плавный”, “покладистый”; “снисходительный”, etc., que se refieren al carácter de una persona. Ninguno de estos sinónimos puede sustituir el lexema “мягкий”, por lo tanto “мягкое наказание” es una colocación. A continuación, se presenta el ejemplo extraído del *CPFR*, en (51):

(51) [...] осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более **мягкое наказание**; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи.

(*CPFR*, art. 15, p. 4)

En cuanto a los tipos de textos donde aparece la colocación, cabe señalar que, aparte de los textos jurídicos que, evidentemente, prevalecen, destacan textos literarios, tanto en el contexto jurídico como en contextos no relacionados con el derecho, y también textos de divulgación científica. He aquí un ejemplo de texto sobre entrenamiento de cachorros: “Чрезвычайно *мягкое наказание*, в свою очередь, не произведет должного впечатления на провинившегося щенка” (*Sketch Engine*, chara-chara.ru).

La siguiente UF es “утратить силу”, cuya traducción literal sería “perder el vigor”. Puede apreciarse en el ejemplo de (52).

(52) **Утратила силу.**

(*CPFR*, art. 16, p. 4)

⁴ ‘Fácil de apretar, de presionar, que no dé la sensación de rigidez al presionarlo.’

Por un lado, el lexema “утратить” tiene una serie de sinónimos que pueden sustituirlo, por ejemplo, se puede utilizar en vez de “утратить”: “потерять”, “лишиться” o “остаться без”. Sin embargo, a la hora de investigar esta cuestión en el corpus, se observa que “утратить силу” es una UF puramente jurídica y se emplea normalmente solo en artículos, leyes y otras normativas que se expiran. En la vida cotidiana nadie utiliza esta UF, y, en caso si es necesario explicar que una persona ha perdido las fuerzas una cosa ha dejado de servir, se utilizan otros lexemas que teóricamente son sinónimos para el lexema “утратить”. Basándose en este hecho se puede considerar la UF “утратить силу” como una colocación puramente jurídica. Como se ha mencionado anteriormente esta colocación se utiliza solo en los textos jurídicos, un ejemplo de cuales se presenta *a posteriori*: “Однако статья 7 закона утратила силу с 01.07.2006, статья 8 - с 01.01.2007 (Федеральный закон от 26.07.2006 № 131-ФЗ), а из ограничений, установленных статьей 11, осталось только требование об осуществлении купли-продажи иностранной валюты на внутреннем валютном рынке через уполномоченные банки” (*Sketch Engine, arbitr.ru*).

A continuación, se consideran tres UF que contienen la UL “ответственность” lo que significa en español “responsabilidad”. La cuestión es que, a la hora de analizar los apartados seleccionados del *CPFR*, con mucha frecuencia aparecen tales UF como “нести ответственность”, que aparece en (53), “ответственность наступает”, que se aprecia en (54), y “подлежит ответственности”, visible en (55).

(53) При совокупности преступлений лицо **несет** уголовную **ответственность** за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса.

(*CPFR*, art. 17, p. 4)

(54) Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная **ответственность наступает** по специальной норме.

(*CPFR*, art 17, p. 5).

(55) Уголовной **ответственности подлежит** лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

(*CPFR*, art. 20, p. 5)

Primero, se analizan los verbos “нести” (‘llevar’), “наступать” (‘pisar’) y “подлежать” (‘estar sujeto’). En cuanto al verbo “нести”, en el diccionario *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* (2014) se mencionan los sinónimos “волочить”, “тащить”, “волочь”, etc. En el caso de la combinación del verbo “нести” y el sustantivo “ответственность”, no se puede sustituir el verbo por ningún sinónimo mencionado. En cuanto al verbo “наступать”, se observan sinónimos como “приходить”, “начинать(ся)”, “подступать”. Cabe admitir que, a veces, se puede utilizar el sinónimo “начинать(ся)” en combinación con el sustantivo “ответственность”, aunque, según el corpus *Sketch Engine*, con más frecuencia se utiliza la UF “ответственность наступает”. Este hecho confirma que las colocaciones pueden tener cierta flexibilidad, por lo cual en este caso no se habla de locución. Por último, se considera la UF “подлежать ответственности”, que en ciertos casos puede servir como un sinónimo para la UF “нести ответственность” o “подвергать ответственности”. La diferencia reside solo en que en primer caso se supone que el encausado tiene responsabilidad, mientras que, en el segundo caso, el contexto supone que alguien le conlleva a asumir la responsabilidad al encausado. En este caso, también se observa cierta flexibilidad, aunque es preferible utilizar “подлежать ответственности”. Para concluir, las UF mencionadas son colocaciones, ya que a pesar de que cada UF disponga de una gran cantidad de combinaciones teóricamente posibles, tiende a producir una cierta solidaridad léxica con un cierto lexema.

En cuanto a los tipos de textos donde aparecen las colocaciones “нести ответственность”, “ответственность наступает” y “подлежать ответственности”, se observan textos predominantemente jurídicos, por ejemplo: “При отсутствии такой договоренности и отказе принять предмет взятки или подкупа лицо, пытавшееся вручить названный предмет в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, *подлежит ответственности* по статье 304 УК РФ” (*Sketch Engine*, kuban.ru).

Entre las siguientes UF, destacan “тяжкий вред” (‘daño grave’) y “вред средней тяжести” (‘daño de gravedad media’). Anteriormente, se ha mencionado la clasificación de delitos en el sistema del derecho en Rusia, donde uno de los componentes de la UF es el lexema “тяжкий”, que también se utiliza para tipificar los daños. En este caso, tampoco se puede sustituir los lexemas “тяжкий” y “средней тяжести” por los sinónimos que se han considerado anteriormente. Por lo tanto, las UF “тяжкий вред” y “вред средней тяжести” son

colocaciones. A continuación, en (56) y (57), se pueden observar los ejemplos extraídos del *CPFR*:

(56) [...] умышленное причинение **тяжкого вреда** здоровью.
(*CPFR*, art. 20, p. 5)

(57) [...] умышленное причинение **средней тяжести вреда** здоровью.
(*CPFR*, art. 20, p. 5)

Después de haber recurrido al corpus, se deduce que dichas colocaciones se utilizan solo en los textos jurídicos que están en sitios webs dedicados al sistema de derecho, o en documentación jurídico-administrativa. Cabe señalar que, con mucha frecuencia, son citas o referencias del *CPFR*, por lo que dichas colocaciones son, en principio, propias del *CPFR*. El ejemplo presentado demuestra que la colocación “тяжкий вред”, en este caso, se utiliza como una referencia al *CPFR*: “Они признаны виновными в убийстве, а также подстрекательстве и пособничестве в убийстве, сопряжённом с разбоем, совершённом группой лиц по предварительному сговору и с причинением *тяжкого вреда* здоровью (п. «з» ч. 2 и ч.ч. 4, 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ)” (*Sketch Engine*, *suskburyatia.ru*).

Se observa una tendencia similar con las UF “оконченное преступление” y “неоконченное преступление”, cuyos contextos están extraídos del *CPFR*, como se aprecia en los datos de (58) y (59).

(58) Уголовная ответственность за **неоконченное преступление** наступает по статье настоящего Кодекса.
(*CPFR*, art. 29, p. 8)

(59) [...] предусматривающей ответственность за **оконченное преступление**, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса.
(*CPFR*, art. 29, p. 8)

A la hora de analizar estas UF, cabe señalar que, literalmente, se puede traducir estas UF como “delitos terminados” y “delitos no terminados”. Sin embargo, esta no es una traducción apropiada, puesto que las equivalencias de colocaciones se analizan en el próximo apartado, mientras que en este apartado se consideran posibles variantes de traducción de tipo calco con el fin de transmitir el significado de colocaciones analizadas al español. Es muy curioso que, teóricamente, se puede utilizar en vez de lexemas “оконченный” y “неоконченный” una serie de sinónimos como “законченный” y “незаконченный”, “завершенный” y “незавершенный”, puesto que, para un rusoparlante, no se percibe ninguna diferencia entre todas estas UF. Este hecho pone en tela de juicio si estas UF son verdaderamente colocaciones. Con el fin de solventar esta duda se recurre al mismo corpus para analizar si es posible observar dichos sinónimos en los textos jurídicos. Los resultados han sido los siguientes:

1. En el caso de “законченное преступление” y “незаконченное преступление”, se han encontrado tan solo 31 resultados, 3 de los cuales pertenecen a la UF “незаконченное преступление”, y 28 para la UF “законченное преступление”. Entre los tipos de textos donde aparecen estas UF, destacan los textos jurídicos dentro de los sitios webs dedicados al derecho, o un manual que hace referencia a la época de la Unión Soviética, como, por ejemplo, “При этом дача части заранее обусловленной взятки образует не покушение, а законченное преступление” (*Sketch Engine*, tikva.ru).
2. En el caso de “завершенное преступление” y “незавершенное преступление”, se han obtenido 9 resultados, 6 de los cuales pertenecen a la UF “завершенное преступление” y 3 de los cuales pertenecen a la UF “незавершенное преступление”. Los textos donde aparecen dichas UF son artículos de unos periódicos, o incluso trabajos de fin de curso de la rama del derecho. En el último caso se ha observado un hecho curioso: un estudiante de derecho utiliza en su trabajo la UF “завершенное преступление” y, además, hace referencia al *CPFR*, precisamente al art. 122. A continuación, se presenta el ejemplo: “Так, заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ – инфекцией образует не покушение, а *завершенное преступление* (ч. 1 ст. 122 УК)” (*Sketch Engine*, bibliofond.ru). Cabe señalar que, a la hora de recurrir al art. 122 del *CPFR*, en ningún momento aparece la UF “завершенное преступление”. Además, ha sido comprobada la calificación de delitos según su consumación que se explica en el art. 29 del *CPFR*, donde aparecen solo las UF

“оконченное преступление” y “неоконченное преступление”, por lo cual no es adecuado basarse en este dato y considerar el empleo de esta UF como una opción posible dentro de los textos jurídicos.

3. Por último, se han considerado las UF del corpus “оконченное преступление” y “неоконченное преступление”. Mediante el corpus, se han obtenido 1254 resultados, 740 de los cuales pertenecen a la UF “оконченное преступление”, y 514 a la UF “неоконченное преступление”. A continuación, se presenta un ejemplo extraído del corpus: “Под выявлением преступлений следует понимать установление с достаточной полнотой обстоятельств, свидетельствующих о том, что то или иное преступление действительно имело место (в любой стадии преступной деятельности – приготовление, покушение, *оконченное преступление*)” (*Sketch Engine, yurlib.ru*).

Según los datos obtenidos, se concluye que, en realidad, existen posibles sinónimos para las UF “оконченное преступление” y “неоконченное преступление”, aunque su uso no se puede considerar relevante, puesto que son muy pocos los casos que demuestran lo contrario y, como norma general, son textos que no tienen características del texto jurídico, o manuales de derecho de la época soviética en los que no se puede basarse, al menos porque ciertos tipos de documentos legislativos que se presentan actualmente, han sido desconocidos anteriormente o tenían otra estructura, y en ciertos casos una terminología diferente. Por lo tanto, las UF “оконченное преступление” y “неоконченное преступление” se consideran como colocaciones. Como ha sido mencionado anteriormente dichas colocaciones predominan en los textos jurídico-administrativos.

Otra UF es “причинение вреда”, que significa el daño a la vida o a la salud de un ciudadano, y que se expresa a través de la muerte de la persona o de la lesión o desfiguración de la misma. Esta UF aparece en el dato de (60).

- (60) Не является преступлением **причинение вреда** посягающему лицу в состоянии необходимой обороны.

(*CPFR*, art. 37, p. 11)

A pesar de que en el *CPFR* aparece una colocación de tipo “sustantivo + sustantivo”, lo que se debe a la característica del texto jurídico ruso (en el lenguaje jurídico ruso los sustantivos predominan sobre los verbos), se considera la misma UF, pero del tipo de “verbo + sustantivo”, puesto que el sustantivo “причинение” es un derivado del verbo “причинять”. Primero, se ha recurrido al diccionario *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* (2014) para analizar qué sinónimos corresponden al verbo “причинять”. Entre estos, destacan los siguientes: “доставлять”, “вызывать”, “влечь за собою”, “оказывать”, “навлекать”, “нагонять”, “наделать”, “делать”, “накликать”, “наносить”, etc. Después de haber investigado a través del corpus si es posible el uso de dichos sinónimos con el lexema “вред”, se concluye que la UL “вред” se usa con más frecuencia con el verbo “причинять”, o en algunos casos con el verbo “наносить”, cuyo uso no es común en los textos jurídicos. Por lo tanto, la UF “причинение вреда” se puede considerar como una colocación. Sin embargo, el uso de la UF “причинять вред” es más común en los textos jurídicos, aunque no excluye el empleo de dicha colocación también en otros tipos de textos, como, por ejemplo, en un texto técnico como el que sigue: “Робот не может *причинить вреда* человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред” (*Sketch Engine*, booom.ru). Basándonos en este hecho, se deduce que la colocación “причинять вред” aparte del *CPFR* está vinculada a otros textos jurídicos e incluso en ciertos casos puede aplicarse a otros tipos de textos que pueden no estar relacionados con la aplicación de la ley.

La siguiente UF es “принудительные работы”, que significa trabajos que se ejercen por obligación y que son parte de la pena del delito. Posteriormente, se emplea el ejemplo extraído del *CPFR*, que aparece en (61).

(61) Обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, **принудительные работы**, арест.

(*CPFR*, art. 45, p. 13)

El lexema “принудительный” tiene un uso obligado cuando se combina con una serie de lexemas, tales como “работа”, “характер” y “меры”. En cuanto al lexema “работа”, tiene un uso libre y puede combinarse con una variedad de palabras más amplia. Por lo tanto, la UF “принудительные работы” es una colocación. Con respecto al tipo de textos, aparte de en los textos jurídicos, la colocación mencionada se observa mucho en las noticias, es decir, en los textos periodísticos o también en los textos literarios. Por ejemplo, cabe destacar lo que sigue:

“В начале 1942 года была поставлена задача вывезти на *принудительные работы* в Германию из оккупированных районов СССР 15 млн. человек” (*Sketch Engine*, bberx.ru).

A posteriori, se analiza la UF “выносить приговора”, que, literalmente, es “sacar una sentencia”. En el diccionario *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* (2014) para el lexema “выносить”, destacan dos sinónimos: por un lado, “уносить”, con el significado llevar o sacar algo, y “терпеть”, con el significado de soportar algo. Evidentemente, ninguno de los sinónimos puede sustituir el lexema mencionado. Asimismo, al formar la solidaridad léxica con el sustantivo “приговор”, el verbo “выносить” pierde su significado original (sacar o soportar), puesto que en la colocación el lexema “выносить” significa pronunciar. Por lo que se deduce que “выносить приговор” es una colocación. A continuación, se presenta el ejemplo extraído del *CPFR* en (62):

(62) [...] если они на момент **вынесения** судом **приговора** не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

(*CPFR*, art. 49, p. 15)

Según los resultados del corpus, de los 13 031 ejemplos obtenidos, la gran mayoría se utiliza en el *CPFR* u otros textos jurídicos. En consecuencia, la colocación “выносить приговор” se emplea, normalmente, dentro de los textos jurídicos.

Otra UF es “отбывать работы”. Entre los sinónimos para el lexema “отбывать”, se puede destacar “уезжать” (irse), “покидать” (abandonar). Obviamente, ninguno de estos sinónimos puede sustituir el verbo “отбывать”. Asimismo, al formar la solidaridad léxica con el sustantivo “работа”, el verbo “отбывать” pierde su significado original (‘irse’), puesto que en la colocación el lexema “отбывать” significa “ejercer los trabajos”. Además, cabe señalar que el lexema “отбывать” puede formar una serie de combinaciones limitadas. Por ejemplo, se puede también “отбывать арест” (‘cumplir la condena’), “отбывать наказание” (‘cumplir la pena’) y “отбывать ссылку” (‘cumplir el exilio’). Tomando este análisis como base, se concluye que “отбывать работы” es una colocación. A continuación, se presenta el ejemplo extraído del *CPFR*, que aparece en (63):

(63) Осужденный, имеющий основное место работы, **отбывает** исправительные **работы** по основному месту работы.

En cuanto a los tipos de textos, cabe señalar que el corpus propone solo 11 ejemplos que no tienen ninguna vinculación con los textos jurídicos. La mayoría de ellos son extractos de manuales de historia o textos literarios. Según como aparece la colocación “отбывать работы”, en todos los casos se refiere a los campesinos de la época de la servidumbre. A continuación, se presenta el ejemplo extraído del corpus: “сверх того подлежало предоставлению в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам для обеспечения их быта и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они должны платить оброк или *отбывать работы* помещику” (*Sketch Engine, yartel.ru*).

La siguiente UF es “исправительные работы”, que significa trabajos previstos para corregir la conducta de alguien. El lexema “исправительный” supone una serie de combinaciones limitada. Aparte de la UF “исправительные работы”, destacan “исправительные меры” o “исправительная колония”. El lexema “исправительный”, en teoría, podría ser sustituida por “восстановительный” o “дисциплинарный”, pero el uso de otros sinónimos no puede considerarse admisible. Por lo tanto, “исправительные работы” es una colocación, cuyo uso está demostrado en el CPFR, que se observa en (64).

(64) **Исправительные работы** устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.

(CPFR, art. 50, p. 15)

El uso de la colocación “исправительные работы”, según los datos de corpus, es común en los textos jurídicos. Uno de los ejemplos del corpus es: “Устанавливается, что *исправительные работы* суд сможет назначать осужденным, как не имеющим, так и имеющим основное место работы” (*Sketch Engine, ks-ri.ru*).

A continuación, se considera la colocación “злостное уклонение”, que, literalmente, podría traducirse como “evasión malvada”. El lexema “уклонение” (‘evasión’) puede combinarse solo con tres adjetivos “злостный” (‘malvado’), “необоснованный” (‘infundado’) и “малейший” (‘más mínimo’), puesto que tiene una serie de combinaciones limitadas, la UF “злостное уклонение” es una colocación, cuyo contexto está presentado a continuación, en (65):

(65) В случае **злостного уклонения** осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами.

(CPFR, art. 50, p. 15)

La colocación “злостное уклонение”, según el corpus, se utiliza en los textos jurídicos, tanto en documentación como en textos periódicos que están dedicados al tema de la aplicación de la ley. Por ejemplo, cabe destacar el siguiente ejemplo: “К описанным в вопросе деяниям применимы три состава преступлений: ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» и ст. 159 УКРФ” (*Sketch Engine, gazeta-yurist.ru*).

Las siguientes UF son “отбывать наказание” (‘cumplir la pena’) y “отбывать арест” (‘cumplir la condena’), que aparecen en (66) y (67), respectivamente.

(66) При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за **отбыванием** осужденными **наказания** в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации.

(CPFR, art. 53, p. 16)

(67) Военнослужащие **отбывают арест** на гауптвахте.

(CPFR, art. 54, p. 17)

Anteriormente, se ha mencionado la colocación “отбывать работы”, así como que el lexema “отбывать” puede formar una serie de combinaciones limitadas entre cuales se destacan las colocaciones consideradas: “отбывать арест” y “отбывать наказание”. Por lo tanto, se procede, sin entrar en más detalles, a exponer los tipos de textos donde aparecen dichas colocaciones. Basándonos en los datos de corpus las colocaciones consideradas, destacan en textos jurídicos, en foros donde la gente recurre a pedir ayuda en situaciones de procesos penales o textos literarios. Por ejemplo, una frase extraída de una historia del foro es la siguiente: “Осудили молодого человека на 2 года 7 мес., он *отбывает наказание* в

колонии поселение уже как 7 мес., осталось до УДО ему 2,5 мес!” (*Sketch Engine*, hand-help.ru). Otro ejemplo del corpus ha sido extraído de un texto jurídico: “В частности, военнослужащие должны *отбывать арест* на гауптвахте” (*Sketch Engine*, lawmix.ru). En general, según los resultados del corpus, dichas colocaciones, aparte de estar en el *CPFR*, encuentran su aplicación en otros textos jurídicos y en algunos casos en textos que no están relacionados con la legislación.

Otra UF es “пожизненное лишение свободы” que en español sería literalmente “privación perpetua de libertad”, y que aparece en (68).

(68) **Пожизненное лишение свободы** устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

(*CPFR*, art. 57, p. 18)

El lexema “лишение” (‘privación’) tiene una serie de sinónimos tales como “недостаток”, “нужда” y “отсутствие”. Cabe señalar que ningún de estos sinónimos puede formar una solidaridad léxica con el lexema “свобода” (‘libertad’). Además, solo en conjunto la UF “пожизненное лишение свободы” significa “cadena perpetua” y se utiliza en los textos jurídicos: “Наказание предусматривает лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, либо *пожизненное лишение свободы*, либо смертную казнь” (*Sketch Engine*, ucoz.ru). Por consiguiente, la UF “пожизненное лишение свободы” es una colocación que se aplica solo al contexto jurídico.

A continuación, se considera la UF “стечение обстоятельств” que transmite el sentido de fusión de circunstancias. El lexema “стечение” puede formar una solidaridad léxica solo con un lexema “обстоятельства”, por lo tanto, es una colocación. A continuación, se presenta el ejemplo del *CPFR*, en (69):

(69) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного **стечения обстоятельств**.

(*CPFR*, art. 61, p. 20)

Sin embargo, encontramos la colocación “стечение обстоятельств” empleada en diferentes tipos de textos: textos periódicos, textos literarios, ensayos, etc. Uno de los ejemplos presenta el uso de dicha colocación en el ensayo: “Олеся работала, опять же по странному *стечению обстоятельств*, у фрау Крауз, жены известного нам немецкого завоевателя Эрнста фон Крауза” (*Sketch Engine*, 1kessay.ru). Por lo tanto, la colocación “стечение обстоятельств” tiene vinculación a una gran parte de diferentes tipos de textos.

Otra UF es “выносить решение”, cuyo lexema “выносить” se ha analizado en un ejemplo anteriormente, se puede traducir literalmente como “llevar una resolución”. Como el lexema “выносить” significa “llevar” o “soportar”, pero en caso de formar la solidaridad léxica obtiene el significado de “pronunciar”, entonces la UF “выносить решение” es una colocación. A continuación, se presenta el contexto extraído del *CPFR*, en (70):

(70) [...] суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, может **вынести решение** об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

(*CPFR*, art. 74, p. 28)

Según los datos del corpus, cabe señalar que la colocación mencionada se aplica en la mayoría de casos a la documentación jurídica o a los textos periódicos que tratan del tema de derecho, como es visible en el siguiente ejemplo de corpus: “И в 2006 году российские суды десятками *выносили решения* о прекращении права пользования жильем членами семьи прежнего собственника и о выселении “бывших” детей собственника без предоставления им другого жилья” (*Sketch Engine*, straybaby.ru).

En suma, las colocaciones analizadas se pueden dividir en dos tipos: colocaciones puramente jurídicas y colocaciones formales que pueden emplearse no solo en textos jurídicos, sino en los textos literarios, periódicos, etc. Asimismo, aparte de las colocaciones sólidas, se destacan las colocaciones más flexibles, que son propios del lenguaje jurídico ruso. Por ejemplo, para expresar el concepto de la exigencia de la responsabilidad en el *CPFR* se emplean tres sinónimos que se han considerado anteriormente.

3.3 Recapitulación

En este capítulo se han proporcionado 30 UF vinculadas al *CPFR* que, a continuación, se han dividido en dos grupos: locuciones (§ 3.1) y colocaciones (§ 3.2). Esta doble clasificación se ha basado en las características propias de cada grupo. Una vez analizadas las unidades, se procedió a la búsqueda de las mismas en el corpus lingüístico *Sketch Engine*, con el fin de determinar si los textos a que se vinculan estas UF son, como los del objeto de estudio, jurídicos.

El resultado ha sido, en efecto, afirmativo: las locuciones analizadas, con la excepción de la locución prepositiva “в силу”, se emplean solo para los textos jurídicos. En cuanto a las colocaciones analizadas, la mayoría de ellas rigen el contexto jurídico. Sin embargo, ciertas colocaciones tienen un uso más amplio, como, por ejemplo, dentro de los textos literarios, periódicos, etc., aunque cabe señalar que su registro es formal.

4. PROBLEMAS DE EQUIVALENCIA EN LA TRADUCCIÓN RUSO-ESPAÑOL EN EL ÁMBITO DE LOS PROCESOS PENALES: HACIA UNA PROPUESTA DE GLOSARIO TERMINOLÓGICO

Como se ha mencionado anteriormente, en este apartado se procede a la comparación de las UF del *CPFR* con sus posibles equivalentes del *CPLC*. Asimismo, se analizará si las UF consideradas anteriormente también son UF en español. Como se ha considerado en el apartado teórico (§ 2), cabe señalar que, en ciertos casos, no es posible lograr una equivalencia completa, por una serie de razones que serán analizadas en este apartado. Además, se ofrecerán posibles traducciones para las UF que no encuentran su equivalente en el *CPLC*, con la consiguiente elaboración de un glosario final, presentado en el *Anexo 3*.

Este apartado se divide, principalmente, en dos secciones: en primer lugar, se presentan las UF que no encuentran una forma equivalente en su traducción al español (§ 4.1); en segundo lugar, se exponen las UF que encuentran una forma equivalente en español (§ 4.2).

4.1 Unidades fraseológicas no equivalentes en español

En este apartado se consideran las UF cuyas equivalencias causan dificultad a la hora de ser traducidas al español. Primero, se procede a la clasificación de los delitos según su gravedad. Cabe señalar que, en la clasificación del *CPFR*, se mencionan cuatro tipos de delitos: “преступление небольшой тяжести”, “преступления средней тяжести”, “тяжкие преступления” y “особо тяжкие преступления”. Como se ha mencionado anteriormente (§ 3.2.2), se puede suponer que, de manera literal, dichas UF se traducen al español como “delitos

menos graves”, “delitos de media gravedad”, “delitos graves” y “delitos particularmente graves”. Sin embargo, esta clasificación no es correcta, puesto que, si se acude al *CPLC*, destacan solo tres tipos de delitos según su gravedad: “delitos graves”, “delitos menos graves” y “delitos leves”. Además, cabe señalar que estas UF en español pueden clasificarse como colocaciones, puesto que es imposible aplicar cualquier otro sinónimo que pueda constituir el lexema “grave”. Por lo tanto, no es relevante recurrir a la traducción literal, es decir, traducir palabra por palabra, puesto que esta clasificación puede causar, en el mejor de los casos, una confusión. Obviamente, en este caso no se puede hablar de equivalencia completa no solo por realidades culturales, sino porque los elementos individuales de traducción se desajustan, puesto que, por ejemplo, en ruso, la UF “тяжкие преступления” constituye una construcción del tipo “adjetivo + sustantivo”, mientras que en español, a la hora de formar una UL de este tipo, primero se utiliza el sustantivo y luego el adjetivo (“delito grave”).

Sin embargo, todavía se queda sin resolver la pregunta de cómo traducir una clasificación que en el TO incluye cuatro tipos, pero que en *CPLC* incluye solo tres. En primer lugar, es necesario analizar la clasificación rusa de los delitos según su gravedad. Así, según el art. 15 del *CPFR*, los llamados “преступления небольшой тяжести” (‘delitos menos graves’) se caracterizan como los actos dolosos e imprudentes cuya pena máxima en el *CPFR* no exceda los tres años de prisión. Por su parte, los “Преступления средней тяжести” (‘delitos de media gravedad’) se caracterizan como actos dolosos cuya pena máxima prevista en el *CPFR* no exceda los cinco años de prisión, y los actos imprudentes, cuya pena máxima no exceda de diez años de prisión. Asimismo, los “Тяжкие преступления” (‘delitos graves’) se caracterizan como actos dolosos cuya pena máxima prevista en el *CPFR* no exceda los diez años de prisión, y los actos imprudentes cuya pena máxima prevista en este código no exceda los quince años de prisión. Por último, los “Особо тяжкие преступления” (‘delitos particularmente graves’) se caracterizan como actos dolosos para cuya comisión la pena prevista en el *CPFR* será de prisión por un periodo superior a diez años, o un castigo más estricto.

En cuanto a la clasificación española de los delitos según su gravedad, si se atiende al art. 33 del *CPLC*, se puede concluir que los delitos graves se castigan con penas graves por un periodo superior a cinco años. En caso de delitos menos graves, las penas previstas para estos no supera el periodo de ocho años. En caso de delitos leves, las penas previstas para estos no superan el periodo a un año. Según las penas analizadas dentro de ambos códigos, es posible concluir que los “преступления небольшой тяжести” se corresponden con los delitos leves, los “преступления средней тяжести”, con los delitos menos graves, y los “тяжкие преступления” y “особо тяжкие преступления”, con los delitos graves. A continuación, se

considera el delito de estafa aplicando la clasificación propuesta. Por ejemplo, en Rusia, según el art. 159 del *CPFR*, la estafa puede considerarse como una suerte de “преступление небольшой тяжести” (‘delito leve’), como un “преступление средней тяжести” (‘delito menos grave’) o como un “тяжкое преступление” (‘delito grave’), dependiendo del daño causado. En España, también según los arts. 249, 250 y 251 del *CPLC*, la estafa puede considerarse como un delito leve, menos grave o grave. Sin embargo, la traducción propuesta para la clasificación rusa no siempre puede ajustarse, puesto que no en todos los casos un cierto delito corresponde a la misma clasificación, tanto en el *CPFR* como en el *CPLC*. Por ejemplo, según el art. 163 del *CPFR*, un delito como la extorsión puede referirse a los cuatro tipos de delitos, mientras que en España puede considerarse como un delito leve o menos grave. Por consiguiente, se deduce que la clasificación propuesta puede ser aplicada, pero con la condición de que se haya comparado previamente cierto delito en los dos sistemas de derecho, puesto que son dos sistemas completamente diferentes, no siempre coincidentes.

Otras colocaciones que causan problemas de equivalencia en su traducción son los llamados “нести ответственность”, “ответственность наступает” y “подлежать ответственности”. Todas estas colocaciones se utilizan en el *CPFR* para expresar que, al cometer un delito, al encausado se le impone una responsabilidad penal. Cabe señalar que en el *CPLC* también se recurre a la responsabilidad que se expresa a través de UL como “exigir responsabilidad”, “quedar sujeto a la responsabilidad”, “incurrir en responsabilidad” o “ser penalmente responsable”. En caso de las colocaciones “нести ответственность” y “ответственность наступает”, se ha observado el equivalente “incurrir en responsabilidad”, que también es una colocación en español. A continuación, en el dato de (71), se presenta un ejemplo extraído del *CPLC*:

- (71) No obstante lo dispuesto en el apartado anterior, *no incurrirá en responsabilidad* penal quien causare o cooperare activamente a la muerte de otra persona cumpliendo lo establecido en la ley orgánica reguladora de la eutanasia.

(*CPLC*, sec. 1, art. 143, p. 54)

Asimismo, la colocación “incurrir en responsabilidad” ha sido analizada en *Sketch Engine* y, según los datos obtenidos, dicha colocación tiene un empleo bastante elevado en los textos jurídicos. Uno de los ejemplos extraídos es el siguiente: “Los obligados tributarios que voluntariamente regularicen su situación tributaria o subsanen las declaraciones, autoliquidaciones, comunicaciones de datos o solicitudes presentadas con anterioridad de forma

incorrecta *no incurrirán en responsabilidad* por las infracciones tributarias cometidas con ocasión de la presentación de aquéllas” (*Sketch Engine*, asesoriayempresas.es).

En el caso de la expresión “подлежать ответственности”, el equivalente teóricamente podría servir como la colocación “quedar sujeto a la responsabilidad”. Sin embargo, se ha observado el empleo de la UL “ser penalmente responsable”. A continuación, se presentan dos UL, “уголовной ответственности подлежит” y “ser penalmente responsable”, que se comparan a través de los ejemplos extraídos del *CPFR*, que aparece en (72), y del *CPLC*, que se aprecia en (73):

(72) Уголовной **ответственности подлежит** лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

(*CPFR*, art. 20, p. 5)

(73) En los supuestos previstos en este Código, las personas jurídicas **serán penalmente responsables**.

(*CPLC*, sec. 1, art. 31 bis, p. 10)

Como se observa en este caso, se opta por el equivalente “ser penalmente responsable”, en vez de utilizar la UF “quedar sujeto a la responsabilidad”, que es más apropiada si se pretende conseguir la máxima equivalencia, puesto que se corresponde más con la estructura gramatical de la colocación del TO. Sin embargo, cabe señalar que “ser penalmente responsable” aparece con mucha frecuencia en el *CPLC*, mientras que su sinónimo “quedar sujeto a la responsabilidad” se ha observado solo una vez el *CPLC*. Por lo tanto, se deduce que es más apropiado recurrir a la UL que se observa con más frecuencia en el lenguaje jurídico, es decir, “ser penalmente responsable”.

En cuanto a la UL “exigir la responsabilidad”, cabe señalar que el equivalente más apropiado en este caso sería “привлекать к ответственности”, puesto que el verbo “привлекать” tiene los sinónimos “звать” (‘llamar’) y “побуждать” (‘alentar’), que tienen más proximidad a “exigir”. Por lo tanto, la UL “exigir responsabilidad” no puede aplicarse como traducción para las colocaciones “нести ответственность”, “ответственность наступает” y “подлежать ответственности”.

En suma, es apropiado traducir las colocaciones “нести ответственность” y “ответственность наступает” como “incurrir en responsabilidad”, mientras que en caso de “подлежать ответственности” se puede optar por la traducción literal, que sería “quedar sujeto a la responsabilidad”, o por la traducción adaptada que sería “ser penalmente responsable”.

Las siguientes colocaciones que están relacionadas con problemas de equivalencia son “оконченное преступление” y “неоконченное преступление”. Según el *CPFR*, “оконченное преступление” es el acto cometido por una persona que contiene todos los elementos del cuerpo del delito previstos en el *CPFR*, mientras que “неоконченное преступление” es la preparación de un delito y la tentativa de delito. En teoría, la colocación “оконченное преступление” se traduce como “delito consumado”, mientras que la colocación “неоконченное преступление” se traduce como “delito no consumado”. Sin embargo, es curioso que en el *CPLC* se observa solo el uso de la colocación “delito consumado”, pero, en lugar de “delito no consumado”, se emplea la UL “tentativa”, que en ruso es otro término, “покушение”. A continuación, se ha observado mediante el corpus, que, como tal, apenas aparece el término “delito no consumado”, puesto que se han obtenido solo nueve resultados. Según este hecho, se ha comprobado por qué no se emplea este término en uno de los informes sobre fundamentos de derecho. Según un informe sobre fundamentos de derecho, el término “delito no consumado”, que aparece en el ejemplo de (74), puede emplearse solo en caso de determinación de la pena, y como en actualidad no se distingue entre tentativa y frustración, solo existe una categoría dogmática, la tentativa, por lo cual no es necesario aplicar el término “delito no consumado”.

- (74) El mayor o menor grado de ejecución del **delito no consumado** tiene en la Ley sólo una traducción legal en punto a la determinación de la pena, y además relativa.

(Extraído de <https://vlex.es/vid/-334186106>)

Por lo consiguiente, se deduce que la UL “оконченное преступление” puede traducirse como “delito consumado”, mientras que “неоконченное преступление” es “tentativa”. Sin embargo, en caso de determinación de la pena, es posible utilizar la colocación “delito no consumado”.

A continuación, se consideran las equivalencias para las colocaciones “принудительные работы” y “исправительные работы”, que se aplican para penalizar al encausado con trabajos particulares. Cabe señalar que en el *CPFR* también destaca la UL “обязательные работы”, que no ha sido analizada en el apartado anterior, puesto que no

cumple los requisitos para caracterizarla como una UF. Sin embargo, en el *CPLC* no destacan tantos tipos de trabajos impuestos como la pena. Al contrario, como un tipo de pena se menciona solo los llamados “trabajos en beneficio de la comunidad”. Por lo tanto, a la hora de traducir las colocaciones mencionadas, un traductor puede enfrentarse con este problema de equivalencia. En principio, sería posible traducir de manera literal la colocación “принудительные работы” como “trabajos forzados”, “исправительные работы” como “trabajos correccionales” y “обязательные работы” como “trabajos obligatorios”. En el caso de la primera colocación, esta solución sería bastante entendible, puesto que el concepto de “trabajos forzados” existe en español, mientras que “trabajos correccionales” y “trabajos obligatorios” no tienen un concepto claro para la realidad española, especialmente en el sistema del derecho. Sin embargo, todas estas UL están presentes en el art. 44 del *CPFR* sobre los tipos de pena. En los artículos 49, 50 y 53.1 se explica cada tipo de estos trabajos y se deduce que todos estos trabajos también se realizan en beneficio de la comunidad, pero los conocidos como “обязательные работы” (‘trabajos obligatorios’) se establecen por un periodo de entre sesenta y cuatrocientas ochenta horas, y se deben realizar como máximo cuatro horas al día en el tiempo libre de los estudios o trabajo principal, amén de gratuitos.

Con respecto a la colocación “исправительные работы” (‘trabajos correccionales’), cabe señalar que se imponen a un preso con o sin trabajo principal. En caso de que el preso tenga el trabajo principal, tiene que cumplir con el trabajo correccional en su lugar de trabajo principal. Los trabajos correccionales se imponen por un periodo de dos meses a dos años. En cuanto al salario, la cantidad establecida se deduce y se dirige al estado.

Por último, los llamados “принудительные работы” (‘trabajos forzados’) se aplican como alternativa a la prisión en los casos previstos en los artículos correspondientes de la Parte Especial del *CPFR*. Los trabajos forzados se designan por un plazo de dos meses a cinco años. En cuanto al salario del condenado a trabajos forzados, se practican retenciones a favor del Estado. En cuanto a los trabajos en beneficio de la comunidad, según el *CPLC*, su duración puede ser de un día a un año. Por consiguiente, como las UF “исправительные работы” y “принудительные работы” son trabajos que se realizan en beneficio de la comunidad, es posible traducirlas si se adaptan a la realidad de la cultura jurídica española, como “trabajos en beneficio de la comunidad”. Sin embargo, según el análisis del *CPFR* y del *CPLC*, las penas del tipo de “исправительные работы” y “принудительные работы” requieren un plazo para de cumplimiento bastante más elevado que los trabajos en beneficio de la comunidad de España. Por lo tanto, en casos particulares, dependiendo de la función de la traducción, sería posible

proponer una traducción literal, que, por un lado, implicaría introducir un neologismo (una llamada de traducción que explicara el concepto de estos tipos de ejecución del trabajo).

Las siguientes colocaciones que no encuentran equivalencia completa en español son “отбывать работы”, “отбывать наказание” y “отбывать арест”. Como se ha mencionado anteriormente, el lexema “отбывать” significa en ruso “abandonar”; pero, en cuanto a su traducción al español, es evidente que en español no se dice “abandonar trabajos”, “abandonar el castigo” o “abandonar la prisión”, en el contexto de “ejercer”. En el *CPLC* se puede observar el uso de las UL “cumplir la pena” o “cumplir la condena”. Como se aprecia en estos ejemplos, dichas UL también se consideran como colocaciones en español, puesto que los lexemas “pena” y “condena” no permiten el empleo de otro verbo, aunque tenga un significado sinónimo. Por ejemplo, no se emplea con mucha frecuencia “ejercer la condena” o “ejercer la pena”. A continuación, se considera más preciso la traducción apropiada para las colocaciones mencionadas. En el caso de la colocación “отбывать наказание”, es evidente que el equivalente en español sería “cumplir la pena”. Sin embargo, se ha observado que en el *CPLC*, en todos casos, se emplea la colocación “cumplir la pena” y, a continuación, se detalla de qué tipo es esta. Por lo tanto, con el fin de poder transmitir la información correcta sin distorsionar el sentido que reside en las colocaciones “отбывать работы” y “отбывать арест”, es apropiado traducir las anteriores UF como “cumplir con la pena de trabajos” y “cumplir la pena de prisión”, respectivamente.

La siguiente colocación es “пожизненное лишение свободы”, que es una pena privativa de libertad que supone el encierro del penado en la prisión hasta su día de fallecimiento. El caso de esta UF es especialmente interesante, puesto que revela claras distinciones entre los sistemas jurídicos de Rusia y España; lo cual ofrece dificultades de traducción notables. Cabe señalar que, en el *Código Penal Español* del 1822, aparece el concepto de “cadena perpetua”, que se corresponde con la colocación “пожизненное лишение свободы”, pero en el *CPLC* este concepto ya está en desuso. Si se quiere ser más preciso, esta pena ya había desaparecido desde el código penal del 1928. También cabe señalar que la cadena perpetua fue restablecida por un tiempo en 1934, en el caso de los delitos graves contra el orden público. Si bien este concepto ya no se aplica en el ordenamiento de la ley en la actualidad, la pena de “cadena perpetua” es conocida en España como realidad cultural, y se puede afirmar que la colocación “пожизненное лишение свободы” debe traducirse como “cadena perpetua”. La UL “cadena perpetua”, en la lengua española, también es una colocación, puesto que los sinónimos “condena”, “prisión”, etc., teóricamente podrían sustituir el lexema “cadena”, pero su uso no se considera apropiado.

A continuación, se analiza la locución “явка с повинной”, que supone una denuncia voluntaria de una persona de un delito cometido por ella misma, y que es el motivo de la incoación de la causa penal. En Rusia, “явка с повинной” es una de las circunstancias atenuantes que se consideran en el código. Por lo tanto, se ha recurrido al art. 21 del *CPLC* con el fin de comprobar si existe la misma circunstancia atenuante en el procedimiento penal en España. En el art. 21 del *CPLC* se menciona que, si antes de que empiece el procedimiento penal contra el culpable el último se dirige a confesar los hechos cometidos ante las autoridades, entonces su confesión se puede considerar como una circunstancia atenuante. Por lo tanto, “явка с повинной” se identifica con “confesión” en español. Sin embargo, en el procedimiento penal ruso también existe el lexema “confesión” que en ruso es “признание (вины)”. Cabe señalar que, en el sistema de derecho de Rusia, “признание” es un término general, y se aplica con más frecuencia, por ejemplo, en el juzgado, cuando preguntan al reo si confiesa su culpa, o en el proceso de interrogación, donde puede confesar algunos de los hechos, aunque en este caso no se refiere a la “явка с повинной”. Mientras que en el procedimiento penal en España, aparte de “confesión”, no existe otro término. En dos casos, antes de incoar la causa penal y después de incoarla, se recurre al mismo concepto, es decir, “confesión”.

Las siguientes colocaciones son “тяжкий вред” y “вред средней тяжести”. Primero, cabe señalar que, en el *CPFR*, destacan tres tipos de lesiones: “тяжкий вред” (‘lesión grave’), “вред средней тяжести” (‘lesión de media gravedad’) y “легкий вред” (‘lesión leve’). En cambio, en el *CPLC* las lesiones se clasifican en básicas, leves, graves y muy graves.

Según el *CPFR*, bajo la colocación “легкий вред” se entiende el daño que ha causado un deterioro de la salud a corto plazo o una incapacidad física no significativa. En caso de que, si haya sido causado este tipo de daño, se impone el castigo en forma de multa o prisión hasta 4 meses. Sin embargo, el “легкий вред” (lesión leve) también puede ser causada por tales actos delictivos como: alboroto; delito cuyo móvil ha sido el odio o la enemistad política, ideológica, racial, nacional o religiosa, etc., delito cometido con el uso de armas u objetos utilizados como armas o en relación con una persona o sus familiares en el marco del ejercicio de su actividad oficial o de su función pública. En este caso se impondrá la pena en forma de trabajos en beneficio de la comunidad por un periodo hasta dos años, o la pena de prisión hasta dos años.

Otra colocación del *CPFR* es “вред средней тяжести” (‘lesión de media gravedad’), las características de cual son las siguientes: ausencia de peligro directo para la vida de la víctima, ausencia de condiciones severas que caracterizan el daño a la salud como grave en sus consecuencias, trastorno permanente de salud (pérdida de la incapacidad física durante más de veintiún días), incapacidad física permanente (del diez al treinta por ciento, ambos inclusive).

La pena que se prevé en este caso será una restricción de la libertad de hasta tres años, o trabajos en beneficio de la comunidad de hasta tres años, o una pena de prisión de hasta tres años.

Por último, la colocación “тяжкий вред” (‘lesión grave’), según el *CPFR* se puede dividir en dos grupos. El primer grupo supone las lesiones potencialmente mortales, por ejemplo: heridas penetrantes en la cabeza (cráneo), fracturas de la base del cráneo y de los huesos de la bóveda craneal, etc. El segundo grupo supone lesiones que ponen en peligro la vida, por ejemplo, el caso de un coma provocado por distintas causas, una insuficiencia renal aguda, etc. Para estos casos, la pena máxima que se impone puede ser de hasta quince años.

En el *CPLC*, aparte de las lesiones leves, destacan las lesiones básicas. Sin embargo, en el sistema judicial de Rusia no existe el concepto del *CPLC* “tipo básico del delito de lesión”, por lo cual, en caso de la traducción de español a ruso, un traductor puede enfrentarse con este problema, que todavía queda por resolverse. Entre las razones que complican la traducción de la UL “el tipo básico del delito de lesiones”, destaca, sobre todo, el hecho de que el *CPLC* no define, en concreto, este tipo de lesiones, y por ende es bastante difícil deducir qué supone este concepto; por lo cual, es bastante complicado ofrecer una traducción en este caso.

En el caso de las denominadas “lesiones leves”, según el art. 147 del *CPLC*, se concluye que son lesiones que no requieren tratamiento médico o quirúrgico para su curación. La pena que se impone en este caso es una multa de uno a tres meses. En el caso de las “lesiones graves”, según el art. 150 del *CPLC* se concluye que se trata de lesiones que suponen la pérdida o inutilidad de un órgano o miembro no principal y la deformidad. Para estos delitos se impondrá una pena de prisión de tres a seis años. Por último, dentro del *CPLC* destacan las llamadas “lesiones muy graves”, que suponen una pérdida o inutilidad de un órgano, un miembro principal o un sentido, la impotencia, la esterilidad, una grave deformidad, o una grave enfermedad somática o psíquica, que se castiga con la pena de prisión de seis a doce años.

Por lo tanto, basándonos en las clasificaciones de lesiones de ambos códigos, se deduce que la pena para cada tipo de lesiones en España no siempre se corresponde con la pena de la clasificación de las lesiones en Rusia. En el caso de la colocación “легкий вред”, hay una correspondencia clara con “lesión leve”, pero en el caso de “вред средней тяжести” no se puede hablar de equivalencia, puesto que en *CPLC* no destaca la “lesión de media gravedad”, para cual la pena dura hasta tres años; esta UF tampoco encuentra la aplicación para la clasificación del *CPLC*. Por lo tanto, se ha recurrido al corpus, con el fin de comprobar si para esta colocación se puede utilizar la UL “lesión moderada”. Según los datos del corpus, se observa el empleo de la UL considerada, aunque en la mayoría de los casos son textos médicos.

Por ejemplo, uno de los textos es el siguiente: “es que la mitad de los niños que los habían tomado quedaron internados en observación y uno de cada cinco sufrió una *lesión moderada* o grave” (*Sketch Engine*, infodiabetico.com). Como esta UL es conocida en la realidad española, es posible traducir “вред средней тяжести” como “lesión moderada”.

Otras UL que destacan en el *CPLC* son la “lesión grave”, que conlleva una pena de tres a seis años, y la “lesión muy grave”, que se castiga con una pena de seis a doce años. Según esta observación, la colocación “тяжкий вред” puede traducirse como “lesión grave” y como “lesión muy grave”. Sin embargo, no se puede hablar de la equivalencia en estos casos, porque antes de traducir las colocaciones en ruso hay que comprobar cuál ha sido la causa de un tipo de lesión determinada, y si esta causa coincide al mismo tipo de lesión de la clasificación de lesiones en España.

La siguiente colocación que no encuentra su equivalente en el *CPLC* es “злостное уклонение”, que constituye un tipo de delito que consiste en que el deudor, conociendo la necesidad de pagar la deuda, y pudiendo hacerlo, evita intencionadamente cumplir con sus obligaciones. En teoría, dicha colocación podría ser traducida como “evasión dolosa”, pero en el *CPLC* no aparece esta supuesta colocación. Por lo tanto, se ha recurrido al corpus, cuyos resultados tampoco han sido demasiado abundantes, puesto que la UL “evasión dolosa” se ha observado tan solo en dieciocho ejemplos. Por lo tanto, se ha procedido al cotejo de lo anterior con el art. 305 del *CPLC*, que trata de los delitos contra la Hacienda Pública y contra la Seguridad Social. Cabe señalar que en el *CPLC* no se observa ningún termino concreto para definir este delito, sino UL como “defraude” o “eludir el pago del tributo”. Por lo tanto, se ha surgido otras opciones, como “evasión fiscal” o “fraude fiscal”, que posteriormente han sido comprobadas en el corpus.

A continuación, se presenta un ejemplo que demuestra el empleo la UL “evasión fiscal” en el lenguaje jurídico español: “El Consejo de Ministros del Gobierno de Portugal ha aprobado este jueves la creación de la 'Factura de la Suerte', un nuevo sorteo que premiará algunas de las facturas emitidas y comunicadas a la Autoridad Tributaria y Aduanera (AT) con el objetivo de reducir la *evasión fiscal* en el país” (*Sketch Engine*, elderecho.com). Otro ejemplo, extraído del corpus, que demuestra el empleo de la UL “fraude fiscal” es el siguiente: “La línea fundamental de colaboración entre el Estado y la Comunidad Foral de Navarra y las Diputaciones Forales del País Vasco vendrá constituida por el intercambio de la información necesaria para facilitar a los contribuyentes el cumplimiento de sus obligaciones tributarias y luchar contra el *fraude fiscal*, especialmente aquél que pretende aprovecharse de las diferencias normativas en los distintos territorios o de la existencia de Administraciones Tributarias diferentes, mediante

fórmulas de deslocalización o planificaciones fiscales abusivas” (*Sketch Engine*, *juridicas.com*). Cabe señalar que para la UL “evasión fiscal”, el corpus devuelve un total de 17 648 resultados, la mayoría de estos datos se encuentra en los textos financieros y, sobre todo, en los artículos de América Latina. Otra UL, “fraude fiscal”, se ha observado en los textos jurídico-administrativos, la mayoría de España, y se han obtenido 22 429 resultados.

Con el fin de comprobar los datos del corpus, se ha recurrido a la Sección I del *BOE*, número 164, donde aparece el término “fraude fiscal” con la misma conceptualización que tiene el término “злостное уклонение”. A la hora de revisar el empleo de la UL “evasión fiscal”, se ha recurrido al mismo *BOE*, pero no se ha obtenido ningún resultado al respecto. Por lo tanto, se deduce que la traducción más apropiada para la UF “злостное уклонение” es “fraude fiscal”.

En suma, las UF consideradas en este apartado se dividen en las UF desconocidas para la realidad jurídica de España; o son las UF conocidas para la realidad jurídica de España, pero sus equivalentes ya no encuentran su aplicación en el procedimiento penal actual, por ejemplo “cadena perpetua”. Mientras que las últimas no presentan tantas dificultades a la hora de traducir del ruso al español, las primeras resultan bastante complicadas para realizar una traducción adecuada. Por lo tanto, en unos casos se opta por recurrir a un equivalente neutro, que transmite el sentido de la UF del TO, como es el caso, por ejemplo, de “явка с повинной”, que se traduce como “confesión”, una UL que, aunque no sea un equivalente, transmite el sentido necesario para su comprensión. En otros casos, se opta por la traducción adaptada; por ejemplo, en España, la pena en forma de los trabajos en beneficios de la comunidad no tiene otras denominaciones, mientras que en Rusia estos trabajos se dividen en tres grupos, dependiendo de la duración de su ejecución; pero, como son los mismos trabajos, no hace falta crear otros nombres, puesto que son “trabajos en beneficio de la comunidad”, en cualquier caso. Asimismo, entre las soluciones más eficientes de algunos de los problemas planteados, se puede destacar la introducción de un neologismo (con un comentario de traducción).

4.2 Unidades fraseológicas equivalentes en español

En este apartado se presentan las UF cuyas equivalencias no causan dificultad a la hora de ser traducidas al español, puesto que su concepto es mayormente similar a la realidad jurídica española. Cabe señalar, que en este apartado se presentan los equivalentes en español, según el nivel semántico, a pesar de que, en ciertos casos, las traducciones en cuestión no pueden

considerarse como equivalentes en el nivel sintáctico, puesto que la estructura sintáctica de ambas lenguas no puede considerarse como idéntica.

A continuación, se considera la locución “в силу”, que se emplea para expresar un valor causal. En el *CPLC*, para expresar el mismo valor, se emplea la UL “en virtud de”, como se puede apreciar en (75).

- (75) No se impondrá pena alguna por consecuencia de actos punibles cuya represión incumba a la jurisdicción ordinaria, sino de conformidad con las disposiciones del presente Código o de Leyes especiales y **en virtud de** sentencia dictada por Juez competente.

(*CPLC*, sec. 5, art. 1, p. 262)

La UL “en virtud de” es una locución también, puesto que ningún lexema que compone esta UL puede ser modificado, y su estructura funciona como un elemento oracional. Asimismo, cabe señalar que la preposición “en” se corresponde con la preposición “в” en ruso, y el lexema “virtud”, que significa “vigor” o “fuerza”, se corresponde con el lexema “сила”. Por lo tanto, se puede hablar de una mayor equivalencia entre estas locuciones, aunque no sea completa. Este caso confirma la posición de Komisarov (2002) sobre la imposibilidad de lograr una equivalencia completa, puesto que la locución en español introduce también la preposición “de”, que no se emplea en el caso de la locución en ruso: en vez de una preposición, se aplica el caso genitivo para el sustantivo que sigue después de la locución “в силу”.

Las siguientes colocaciones son “смягчающие обстоятельства” y “отягчающие обстоятельства”. A la hora de comparar ambos códigos, en el art. 21 y en el art. 22 del *CPLC* aparecen los mismos conceptos para las circunstancias que agravan o atenúan la responsabilidad criminal, esto es, “circunstancias agravantes” y “circunstancias atenuantes”. Las UL mencionadas en español también son colocaciones, puesto que los lexemas “atenuante” y “agravante” no pueden ser sustituidos por cualquier otro sinónimo junto con el lexema “circunstancia”. En estos casos, se puede hablar de equivalencia completa desde el punto de vista de la conceptología, que se aplica tanto al sistema judicial de España como al de Rusia. Sin embargo, desde el punto de vista sintáctico, la equivalencia completa no se consigue, puesto que en ruso la estructura de las colocaciones “смягчающие обстоятельства” y “отягчающие обстоятельство” se forma según la fórmula “adjetivo + sustantivo”, mientras que en español las colocaciones “circunstancias atenuantes” y “circunstancias agravantes” se forman según la fórmula “sustantivo + adjetivo”.

De la misma manera, se analiza el equivalente en español para la colocación “мягкое наказание”, que principalmente se identifica con “pena menor”, cuya conceptualización se corresponde con la correspondiente colocación en ruso. En este caso, tampoco se puede hablar de equivalencia completa, puesto que en ruso la pena es “suave” (‘мягкая’). Como se ha mencionado anteriormente (§ 2.2.2), este adjetivo se aplica con más frecuencia a un objeto blando, como es el caso, por ejemplo, de un cojín o un peluche, mientras que en español el lexema “menor” no es sinónimo de “suave”. Según el *Diccionario de la lengua española*, el lexema “menor” significa ser “inferior a otra cosa en cantidad, intensidad o calidad”. Asimismo, como se ha mencionado anteriormente, en ruso se aplica la fórmula “adjetivo + sustantivo”, y viceversa en español.

La siguiente colocación es “утратить силу”, que se emplea para los artículos o las leyes que han perdido efecto. Cabe señalar que, anteriormente (§ 2.2.2), se ha propuesto una posible traducción para la colocación “perder el vigor”. Ha resultado interesante que en el *CPLC* no se haya encontrado la UF supuesta, aunque esta UF encuentra su aplicación en la lengua española. Sin embargo, a la hora de analizar *CPLC*, destacan las UL “derogarse” o “derogado”, que, evidentemente, no constituyen UF. A continuación, se presenta un ejemplo del *CPLC* en (76):

- (76) Las medidas de seguridad que se hallen en ejecución o pendientes de ella, acordadas conforme a la Ley de Peligrosidad y Rehabilitación Social, o en aplicación de los números 1.º y 3.º del artículo 8 o del número 1.º del artículo 9 del Código Penal que **se deroga**, serán revisadas conforme a los preceptos del Título IV del Libro I de este Código y a las reglas anteriores.

(*CPLC*, sec. 1, título 5, Disposición transitoria décima, p. 193)

No obstante, según el *Diccionario de la lengua española*, “derogar” significa “dejar sin efecto una norma vigente”, es decir, la UL “derogarse” no puede ser traducida como “утратить силу”, puesto que la UL en ruso no supone dejar sin efecto una ley o artículo, sino perder su vigencia. Asimismo, se ha recurrido al corpus para comprobar si es posible el empleo de las UF “perder el vigor” y “perder vigencia” en algunos textos jurídicos. Según los resultados del corpus, se deduce que la colocación “perder el vigor” tiene un empleo más general, y de los 167 resultados no ha destacado ningún ejemplo extraído de textos jurídicos. En su totalidad, la colocación considerada se emplea en contextos donde cobra un significado literal, como, por ejemplo, en el caso de que una persona pierda el vigor, es decir, cuando tal persona comienza

a sentirse físicamente débil o, en ciertos casos, pierde su posición en la sociedad. A continuación, se presenta un ejemplo del corpus: “Una ronda después, Vrij empezó a *perder el vigor* por culpa de la medicación, y llegó a un punto en que Varelans tomó ventaja del desfallecimiento de su contrincante y noqueó a Dick con un derechazo, ganando la lucha” (*Sketch Engine*, wikipedia.org). En el caso de la UF “perder vigencia”, se han obtenido 7232 resultados, entre los cuales aparecen textos jurídicos, como, por ejemplo, el fragmento que sigue: “[...] la plena vigencia de esa limitación estatal para las entidades locales navarras durante el ejercicio 2011, y dados los plazos en que razonablemente habrá de resolverse el recurso de inconstitucionalidad, si se levantase la suspensión el resultado sería que el art. 14 dos del Real Decreto-ley 8/2010 *habría perdido vigencia* sin ser de aplicación en la Comunidad Foral de Navarra”(Sketch Engine, vlex.es). Por lo tanto, para la colocación “утратить силу”, la traducción más apropiada sería “perder vigencia”.

A continuación, se considera la locución “доводить преступление до конца”. En el *CPLC* se observa la UF “llevar a cabo el delito”, que puede ser considerada el equivalente para la locución en ruso, puesto que se emplea también como sinónimo en ciertos casos para la UL “cometer el delito”. En (77) se concreta el caso de que se habla aquí en un ejemplo.

(77) Será castigado con la pena de prisión de dos a cinco años quien, con la finalidad de capacitarse para **llevar a cabo cualquiera de los delitos** tipificados en este Capítulo, reciba adoctrinamiento o adiestramiento militar o de combate, o en técnicas de desarrollo de armas químicas o biológicas, de elaboración o preparación de sustancias o aparatos explosivos, inflamables, incendiarios o asfixiantes, o específicamente destinados a facilitar la comisión de alguna de tales infracciones.

(*CPLC*, sec. 1, art. 575, p. 177)

Asimismo, la UF “llevar a cabo” es una locución, ya que tiene una estructura fija con un significado que no se puede deducir del significado de las palabras que lo forman. De igual modo, está formada por lexemas que tienen el mismo significado que en ruso. Entre ellos destacan, por ejemplo, los siguientes: “доводить” – “llevar”, “преступление” – “delito”, “конец” – “cabo”. Evidentemente, en estos casos no se habla de equivalencia completa, sino de una mayor equivalencia, ya que la estructura sintáctica de estas locuciones es diferente. Sin embargo, cabe señalar que, aunque esta locución está documentada en el *CPLC*, su uso no es común, puesto que con más frecuencia se observa el empleo de las UL “cometer el delito” o

“delito cometido”. En el corpus se pueden observar solo 58 resultados, aunque en la mayoría de los casos la locución considerada se emplea en los textos jurídicos. A continuación, se presenta un ejemplo del corpus: “Entre otras cosas, la nueva ley que todavía debe ser confirmada a través del Boletín Oficial prevé que las personas que se valgan de su cargo, empleo, profesión o derecho para *llevar a cabo el delito*, reciban una inhabilitación especial perpetua” (*Sketch Engine*, diariojudicial.com).

La siguiente UF es “причинять вред”, cuyo equivalente, “causar daño”, aparece en el *CPLC*. Cabe señalar que, en este caso, se consigue la equivalencia completa, al menos desde el punto de vista de la estructura sintáctica y de la semántica de los significados del lexema, como se ve, por ejemplo, en “причинять”, que es “causar”, y “вред”, que es “daño”. Asimismo, la UL “causar daño” también es una colocación en español. Aunque se puede apreciar una serie de sinónimos para el lexema “causar”, tales como “producir”, “provocar”, etc., el lexema “daño” permite formar una solidaridad léxica solo con el verbo “causar”.

A continuación, se consideran las colocaciones “выносить приговор” y “выносить решение”. Cabe señalar que en el procedimiento judicial de Rusia bajo el concepto de “судебное решение” se entiende “un documento de la autoridad judicial que contiene el resultado de un litigio de fondo” (Maltsagov y Azhieva, 2019). “Решение” es un término más amplio, puesto que “приговор” es también una resolución judicial (“судебное решение”) Sin embargo, “решение” se emplea también para los procedimientos civiles, mientras que “приговор” se aplica para los procedimientos penales.

En el *CPLC* también destacan dos colocaciones, a saber, “dictar resolución” y “dictar sentencia”. En principio, se confirma que dichas UF son colocaciones, puesto que, en teoría, el verbo “dictar” podría ser sustituido por “dictaminar”, “leer” o “pronunciar”, pero su sustitución resulta imposible, aunque el verbo “pronunciar” puede ser aplicado también en ciertos casos. Como se ha mencionado anteriormente, algunos tipos de colocaciones pueden presentar cierta flexibilidad. Sin embargo, la cantidad de verbos que se puede utilizar formando UF con los lexemas “sentencia” y “resolución” es limitada. Por lo tanto, las UL “dictar sentencia” y “dictar resolución” son colocaciones. Asimismo, el uso de los términos “resolución judicial” y “sentencia” en el procedimiento judicial de España es un poco distinto al procedimiento judicial de Rusia. El término “resolución judicial” como “решение” es un término más generalizado, mientras que “sentencia”, según el *Diccionario panhispánico del español jurídico*, es “resolución que decide definitivamente el pleito o causa en cualquier instancia o recurso, o que, según las leyes procesales, debe revestir esta forma”. Asimismo, el término “sentencia” se aplica tanto en el procedimiento civil, como en el penal.

A partir de este análisis, se deduce que las colocaciones “выносить решение” y “выносить приговор” pueden traducirse de igual manera “dictar sentencia”, en caso de que se refiera a la resolución definitiva. Sin embargo, si se refiere a una resolución generalizada, se aplica el término “dictar resolución”. A continuación, en el dato de (78), se presenta el ejemplo extraído del *CPLC*, que demuestra el caso de aplicación de la UF “dictar resolución”:

(78) Una vez completado este trámite, el instructor elevará el expediente al órgano competente para que **dicte la resolución** correspondiente.

(*CPLC*, sec. 8, art. 73, p. 575)

Asimismo, cabe señalar que dichas colocaciones son equivalentes a nivel semántico. Sin embargo, en el caso de que se considere cada UL fuera de la colocación, se observa que la UL “выносить”, que significa “sacar”, evidentemente, no es equivalente semánticamente a la UL “dictar”, pero, en caso de formar colocaciones del tipo de “выносить приговор (решение)” y “dictar sentencia (resolución)”, su significado es totalmente idéntico.

Otra UF es “вступление в законную силу”, que significa que una ley, artículo u otras normativas pasan a ser vigentes. En *CPLC* destaca una UF parecida, “entrada en vigor”, que se aplica con el mismo objetivo en el presente código. Sobre todo, cabe mencionar que la UF “entrada en vigor” es una locución también, puesto que no se puede modificar ningún lexema de la misma, y es solo en conjunto cuando dichos lexemas forman el significado mencionado anteriormente. Las locuciones mencionadas de igual manera presentan un ejemplo de mayor equivalencia, puesto que el significado semántico de cada lexema en ambas lenguas es parecido, excepto el lexema “законный”, que significa ‘legal’ (aunque puede ser omitido en ciertos casos), y que simplemente no aparece en la locución española.

Por último, se considera otro ejemplo, que presenta la mayor equivalencia que puede lograrse entre ambas lenguas: la colocación “стечение обстоятельств”. Bajo la colocación mencionada, se entienden las coincidencias de los actos, condiciones, etc. En el *CPLC* también se recurre a una UL que encuentra la misma aplicación: “conurrencia de circunstancias”. A continuación, en el dato de (79), se presenta la aplicación de esta UL extraída del *CPLC*:

(79) **La concurrencia de las circunstancias** de violencia se acreditará de conformidad con lo establecido en el artículo 23 de esta Ley.

Evidentemente, la UL “conurrencia de circunstancias” es una colocación, ya que, a pesar de existir una serie de sinónimos para el lexema “conurrencia”, no es posible proceder a la sustitución de aquel para formar una solidaridad con el lexema “circunstancias”.

En suma, las UF consideradas en este apartado no presentan dificultades a la hora de ser traducidas, puesto que encuentran sus equivalentes en la realidad jurídica española. Sin embargo, en ciertos casos, a pesar de que exista una equivalencia a nivel semántico, no es posible a nivel sintáctico. Asimismo, en ciertos casos, la equivalencia semántica solo se presenta si se tiene en cuenta toda la colocación como un conjunto, pero, en caso de considerar una UL que forma la colocación por separado, puede haber una falta de equivalencia de significado, como es el caso, por ejemplo, de “выносить приговор” y “dictar la sentencia”. Si se tienen en cuenta las colocaciones como un conjunto, se deduce que son completamente equivalentes, pero por separado la UL “выносить” no es exactamente lo mismo que “dictar”.

4.3 Recapitulación

En este apartado se ha procedido a la comparación de las UF del *CPFR* con sus posibles UF equivalentes del *CPLC*. Las UF se han dividido en dos secciones: las UF que no encuentran una forma equivalente en su traducción al español (§ 4.1) y las UF que encuentran una forma equivalente en español (§ 4.2).

Como resultado, en ciertos casos no ha sido posible conseguir una equivalencia completa, y esto ha sido así por una serie de razones, que se enuncian a continuación:

- En la realidad jurídica de España no existen todos los conceptos que se encuentran en la realidad jurídica de Rusia, como, por ejemplo, en el caso de la clasificación de los delitos según su gravedad: en Rusia se distinguen cuatro tipos, mientras que en España solo tres.
- En la realidad jurídica de España algunos conceptos ya no existen, al menos en lo que respecta al sistema judicial actual. Sin embargo, el concepto es conocido (p.ej., “cadena perpetua”).
- Hay casos en que, aunque existe equivalencia a nivel semántico, no la hay a nivel sintáctico.

5. CONCLUSIONES Y FUTURAS INVESTIGACIONES

Tras haber realizado el presente estudio, a continuación, se ofrecen las conclusiones principales de la investigación, que están construidas sobre la base de las preguntas de investigación (PI) del apartado introductorio (§ 1.3).

- ❖ **PI 1:** *¿Existen unidades fraseológicas vinculadas a entornos concretos del lenguaje jurídico-administrativo del Código Penal de la Federación de Rusia?*

Respuesta PI 1: En el transcurso del estudio, se ha comprobado que en el ámbito jurídico-administrativo destaca una serie de UF que se emplean solo dentro de este ámbito. Como las UF han sido extraídas del Apartado II (Delitos) y del Apartado III (Penas) del *CPFR*, la mayoría de estas UF está relacionada con los tipos de delitos (p. ej., “особо тяжкое преступление”, “тяжкое преступление”, “преступление средней тяжести”, “преступление небольшой тяжести”), con los daños (p. ej., “тяжкий вред”, “вред средней тяжести”) y con los tipos de penas (p. ej., “исправительные работы”, “принудительные работы”, etc.), por mencionar algunos. Asimismo, cabe señalar que, de 30 UF, destacan 26 colocaciones (p. ej., “отбывать наказание”, “выносить приговор”, “злостное уклонение”, etc.) y 4 locuciones (p. ej., “в силу”, “доводить преступление до конца”, “явка с повинной”, “вступление в законную силу”, entre otras); por lo tanto, el uso de locuciones no es común en el *CPFR*, puesto que un uso abundante de locuciones puede dificultar el entendimiento de las normativas. Sin embargo, según las características de los textos jurídicos consideradas en la parte teórica (§ 2.1), los textos jurídicos presentan un uso abundante de locuciones. Por consiguiente, esta teoría no ha sido confirmada dentro del *CPFR*.

- ❖ **PI 2:** *En caso de que la primera pregunta sea afirmativa, ¿se trata de unidades fraseológicas vinculadas también a otros textos de corpus con características similares a los textos jurídico-administrativos?*

Respuesta PI 2: Según los datos obtenidos, cabe señalar que todas las UF analizadas encuentran su aplicación en otros textos jurídicos, como, por ejemplo, en artículos, en estatutos, en los sitios webs creados por abogados con el fin de prestar su servicio en el

ámbito jurídico, etc. Sin embargo, cabe señalar que las locuciones analizadas (§ 3.2.1), con la excepción de la locución prepositiva “в силу”, se emplean solo para los textos jurídicos. En cuanto a las colocaciones analizadas (§ 3.2.2), la mayoría de ellas rige el contexto jurídico también, aunque ciertas colocaciones (p. ej., “мягкое наказание”, “принудительные работы”, etc.) tienen un uso más amplio: por ejemplo, se encuentran dentro de los textos literarios, periódicos, etc.

- ❖ **PI 3:** *¿Qué traducción al español podría ofrecerse para estas unidades fraseológicas del Código Penal de la Federación de Rusia y qué problemas se encuentran?*

Respuesta PI 3: El problema de la traducción de las UF analizadas es uno de los principales problemas de la traducción de textos jurídicos. Hay varias razones, entre las cuales hay que distinguir **a)** las dificultades asociadas a las características de una UF jurídica, **b)** las dificultades derivadas de las diferencias entre los sistemas jurídicos de ambos países (de ahí la diferencia de alcance de los conceptos que deben ser transmitidos por sus prototipos), y **c)** las dificultades causadas por la existencia de unidades específicas que existen en el sistema jurídico de Rusia, pero no están disponibles en el sistema jurídico de España, y viceversa.

A la hora de analizar las posibles traducciones para las UF planteadas en este estudio, cabe señalar que algunas UF (p. ej., “смягчающие обстоятельства”, “отягчающие обстоятельства”, “в силу”, entre otras) no han presentado ninguna dificultad a la hora de ser traducidas al español, puesto que son conocidas en la cultura jurídica española, es decir, encuentran su equivalente en español. Sin embargo, una parte de las UF no está presente en el procedimiento penal de España (p. ej., “явка с повинной”, “вред средней тяжести”, etc.), o están en desuso por las diversas reformas legales llevadas a cabo, como ocurre, por ejemplo, con el caso de “cadena perpetua”. Evidentemente, el problema de traducción se refleja en las UF desconocidas para la realidad jurídica de España. Por lo tanto, en aras de resolver este problema, se ofrece lo siguiente:

1. Recurrir a un *equivalente neutro* que transmita el sentido de la UF del TO, como, por ejemplo, “явка с повинной”, que se puede traducir como “confesión”. En este caso, aunque no se trate de un equivalente de máximo alcance, transmite el sentido suficiente para ser comprendido semánticamente.

2. Recurrir a la *traducción adaptada*. Uno de los casos donde se ve claro que es mejor optar por esta opción radica, por ejemplo, en el hecho de que en España la pena en forma de los trabajos en beneficios de la comunidad no tiene otras denominaciones, mientras que en Rusia estos trabajos se dividen en tres grupos, dependiendo de la duración de su ejecución; con todo, como son los mismos trabajos, no hace falta crear otros nombres, puesto que son “trabajos en beneficio de la comunidad” en cualquier caso.
3. Recurrir a la *traducción de un neologismo* (una llamada de traducción para explicar un nuevo concepto). Por ejemplo, el mismo caso de los tipos de trabajos en beneficio de la comunidad (tres tipos en ruso), considerado anteriormente, puede resolverse con una traducción literal, es decir, introduciendo un neologismo con un comentario que explicara la diferencia entre estos tipos de trabajos.

Una vez expuestas las conclusiones a las que se ha podido llegar en virtud del estudio anterior, pueden destacarse muchas nuevas líneas de investigación o futuras investigaciones. Este trabajo, como cualquier trabajo de investigación, plantea nuevas preguntas y abre nuevas líneas de investigación que podrían ser objeto de interés en el futuro. A continuación, se esbozan algunas de estas nuevas líneas de investigación, que podrían seguirse en artículos o en una futura tesis doctoral:

➤ **FI 1:** *Cambio de direccionalidad con respecto a la lengua de partida*

En relación con algunos términos, cabe señalar que, en ciertos casos, resulta imposible realizar la traducción, si el concepto no está claro, incluso en la lengua de partida. Por ejemplo, a lo largo del trabajo, ha aparecido una complicación con el término “lesiones básicas”, cuyo concepto no se define en el *CPLC*. Como el presente trabajo ofrece traducciones de las unidades fraseológicas del ruso al español, se ha decidido no entrar en detalles con respecto a este término. Sin embargo, si la traducción tuviera que realizarse del español al ruso, esto provocaría un problema por resolver.

➤ **FI 2:** *Ampliación del texto objeto de estudio*

Otra posible nueva línea de investigación radica en ampliar el objeto de estudio, esto es, analizar otras partes de los códigos penales, y no limitar el estudio al análisis de los dos apartados propuestos aquí. Esto permitiría estudiar si existe otro tipo de unidades

fraseológicas vinculadas a otras partes de los códigos penales, y por tanto se propiciaría un análisis más pormenorizado del lenguaje jurídico-administrativo, junto con sus respectivas traducciones.

➤ **FI 3:** *Cambio del objeto de estudio, pero mantenimiento de la metodología*

Otra opción podría consistir en estudiar la aparición de unidades fraseológicas del lenguaje jurídico-administrativo de los procesos penales, pero no en documentos oficiales del Estado, sino en otro tipo de entornos lingüísticos, como pueden ser los blogs, las páginas web, u otros lugares extraoficiales. Esta nueva línea de investigación permitiría estudiar con mayor precisión si otros entornos del lenguaje favorecen el mismo uso de unidades fraseológicas o, por el contrario, usos muy distintos, extraoficiales o inusuales. Una opción para acceder a este estudio sería el uso de corpus lingüísticos que basen su repertorio en páginas web.

REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS

- ACADEMIA DE CIENCIA RUSA (Instituto Científico-Informático de Ciencias Sociales) (2010): *Osnovnie ponyatia perevodovedenia (Otechestvennyj opyt)*. Moscú: Inion Ran.
- ALYOSHINA, I. V. *et al.* (2016): *Ygolovnoe pravo v Rossii*. Orienburgo: OOO IPK Universidad.
- Boletín Oficial del Estado*, 10 de julio del 2021, núm. 164, Sec. I., pp. 82584-82676. Disponible en: <https://www.boe.es/boe/dias/2021/07/10/pdfs/BOE-S-2021-164.pdf>. [Consultado: 17/05/2022].
- BORJA, A. (2000): *El texto jurídico inglés y su traducción al español*. Barcelona: Ariel.
- CHERNYAKHOVSKAYA, L. A. (1976): *Perevod y smyslovaya struktura*. Moscú: IMO.
- CHIBISOVA, O. (2018): “Gramática del texto jurídico español: la difícil comprensión de las sentencias judiciales”. *Cuadernos Iberoamericanos*, 3, pp. 77-81.
- COBOS LÓPEZ, I. (2012): “Análisis contrastivo del discurso jurídico español-alemán”. *Afinge*, 24, pp. 31-54.
- Código Penal Español, Decretado por las Cortes*, 9 de julio de 1822 (España). Disponible en: <https://www.palladinopellonabogados.com/wp-content/uploads/2016/07/Codigo-Penal-Espa%C3%B1ol-1822.pdf>. [Consultado: 08/06/2022].
- Código Penal y Legislación Complementaria*, ed. actualizada del 10 de noviembre del 2021 (España).
- CORPAS PASTOR, G. (1996): *Manual de fraseología española*. Madrid: Gredos.
- COSERIU, E. (1981): “Las solidaridades léxicas”. En Coseriu (ed.), *Principios de semántica estructural*. Madrid: Gredos, pp. 143-161.
- DENISOVA, P. N. y MORKOVKINA, V. V. (1983): *Slovar sochetaemosti slov russkogo yazyka*. Moscú: Russkiy yazyk.
- FUENZALIDA, M. (2000-2001): *Precisiones para un desarrollo teórico-descriptivo de las solidaridades léxicas*. *BFUCh*, 38, pp. 67-109.
- GAVRILOVA, A. S. (2014): *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka*. Moscú: Adelant.
- GUTIÉRREZ ÁLVAREZ, J. M.^a (2010): “El español jurídico: propuesta didáctica orientada a la acción como base para un curso”. *MarcoELE. Revista de Didáctica ELE*, 11, pp. 1-24.

- GUTIÉRREZ ARCONÉS, D. (2015): “Estudio sobre el texto jurídico y su traducción: características de la traducción jurídica, jurada y judicial”. *Miscelánea Comillas*, 73(142), pp. 141-175.
- HURTADO ALBIR, A. (2001): *Traducción y Traductología: Introducción a la Traductología*. Madrid: Cátedra.
- ISOLAJTY, N. B. (2008): “Nekotorye aspekty asimmetrii jazyka zakona i publicistiki”. *Jurislingvistika*, 22(33), pp. 90-101.
- JAKOBSON, R. (1978): “O lingvisticheskikh aspektah perevoda”. En Komisarov (ed.), *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike*. Moscú: IMO.
- KILGARRIFF, A. et al. (2014): *Sketch Engine*. Disponible en: <https://www.sketchengine.eu/>. [Consultado: 30/05/2022].
- KOMISAROV, B. H. (1973): *Slovo o perevode*. Moscú: IMO.
- (2002): *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscú: ETS.
- LATYSHEVA, S. I. y ROMANOV, S. V. (2009): “Teoriya perevoda i problemy obucheniya perevodu”. *Yazykoznanie*, 16, pp. 1-5.
- LOBATO, J. (2007): *Aspectos deontológicos y profesionales de la traducción jurídica, jurada y judicial*. Tesis doctoral. Málaga: Universidad de Málaga.
- MALZAGOV, I. D. y AZHIEVA, M. I. (2019): “Prigovor suda kak vid sudebnogo resheniya v ugolovnom processe”. *Zakon y pravo*, pp. 94-96.
- MAYORAL, M. (1999): “Las fidelidades del traductor jurado: una batalla indecisa”. En Feria García (ed.), *Traducir para la justicia*. Granada: Comares, pp. 1-29.
- MAYORAL ASENSIO, R. (2002): “¿Cómo se hace una traducción jurídica?”. *Puentes*, 2, pp. 9-14.
- PERNAS IZQUIERDO, P. (2002): *Las solidaridades léxicas del español*. Tesis doctoral. Universidad Complutense de Madrid.
- PORZIG, W. (1964): *El mundo maravilloso del lenguaje*. Madrid: Gredos.
- RAE-ASALE (2014): *Diccionario de la lengua española (DLE)* [en línea]. Disponible en: <http://www.rae.es/>. [Consultado: 10/05/2022].

- (2016): *Diccionario panhispánico del español jurídico* (DEJ) [en línea]. Disponible en: <http://www.dpej.rae.es/>. [Consultado: 02/05/2022].
- RÍOS, J. (2013): *La prisión perpetua en España: Razones de su ilegitimidad ética y de su inconstitucionalidad*. San Sebastián: Gakoa Liburuak.
- SAKOVETS, S. A., KUDRYASHOVA y S. V., KALININA, M. G. (2018): “Spezifika obucheniya perevodu v sfere professionalnoy kommunikazii”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 23(177), pp. 16-29.
- SALVADOR, G. (1989-1990): “Las solidaridades lexemáticas”. *Revista de Filología de la Universidad de La Laguna*, 8-9, pp. 339-365.
- SAVORY, T. (1968): *The art of translation*. London: Jonathan Cape LTD.
- SHLEPNEV, D. N. (2017): “Juridicheskiy perevod, juridicheskiy tekst, juridicheskiy diskurs: k voprosu ob opredelenii”. *Grámota*, 12(78), pp. 174-177.
- Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii*, 13 de junio de 1996 (Rusia). Disponible en: <https://ukodeksrf.ru/skachat-uk-rf>. [Consultado: 02/03/2022].
- VALGUINA, N. (2002): *Sovremenny russky yazyk*. Moscú: Logos.
- VERBA, G. G. y GUZMÁN TIRADO, R. (2005): *Curso de traducción jurídico-administrativa (ruso/español y español/ruso)*. Madrid: Palas Atenea.
- VINOGRADOV, V. C. (2001): *Vvedenie v perevodovedenie (obshie i leksicheskie voprosy)*. Moscú: Editorial del Instituto Común de Educación Secundaria.

Раздел II. Преступление

Глава 3. Понятие преступления и виды преступлений

Статья 14. Понятие преступления

1. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.
2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но **в силу** малозначительности не представляющее общественной опасности.

Статья 15. Категории преступлений

1. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на **преступления небольшой тяжести**, **преступления средней тяжести**, **тяжкие преступления** и **особо тяжкие преступления**.
2. Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.
3. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.
4. Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пятнадцати лет лишения свободы.
5. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.
6. С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии **смягчающих** наказание **обстоятельств** и при отсутствии **отягчающих** наказание **обстоятельств** изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в

части третьей настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более **мягкое наказание**; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более **мягкое наказание**; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

Статья 16. Утратила силу.

Статья 17. Совокупность преступлений

1. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо **несет** уголовную **ответственность** за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса.

2. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса.

3. Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная **ответственность наступает** по специальной норме.

Статья 18. Рецидив преступлений

1. Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление.

2. Рецидив преступлений признается опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раза было осуждено за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы;

б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

3. Рецидив преступлений признается особо опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы;

б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

4. При признании рецидива преступлений не учитываются:

а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести;

б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет;

в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса.

5. Рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Глава 4. Лица, подлежащие уголовной ответственности

Статья 19. Общие условия уголовной ответственности

Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом.

Статья 20. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность

1. Уголовной **ответственности подлежит** лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

2. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за убийство (статья 105), умышленное причинение **тяжкого вреда** здоровью (статья 111), умышленное причинение **средней тяжести вреда** здоровью (статья 112), похищение человека (статья 126), изнасилование (статья 131), насильственные действия сексуального характера (статья 132), кражу (статья 158), грабеж (статья 161), разбой (статья 162), вымогательство (статья 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167), террористический акт (статья 205), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (статья 205.3), участие в террористическом сообществе (часть вторая статьи 205.4), участие в деятельности террористической организации (часть вторая статьи 205.5), несообщение о преступлении (статья 205.6), захват заложника (статья 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207), участие в незаконном вооруженном формировании (часть вторая статьи 208), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (статья 211), участие в массовых беспорядках (часть вторая статьи 212), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (части вторая и третья статьи

213), вандализм (статья 214), незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (статья 222.1), незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (статья 223.1), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (статья 360), акт международного терроризма (статья 361).

3. Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не **подлежит** уголовной **ответственности**.

Статья 21. Невменяемость

1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

2. Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом.

Статья 22. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости

1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Статья 23. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.

Глава 5. Вина

Статья 24. Формы вины

1. Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности.
2. Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

Статья 25. Преступление, совершенное умышленно

1. Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.
2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.
3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Статья 26. Преступление, совершенное по неосторожности

1. Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.
2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.
3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Статья 27. Ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины

Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно.

Статья 28. Невинное причинение вреда

1. Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

2. Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Глава 6. Неоконченное преступление

Статья 29. Оконченное и неоконченное преступления

1. Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

2. Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

3. Уголовная ответственность за **неоконченное преступление** наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за **оконченное преступление**, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса.

Статья 30. Приготовление к преступлению и покушение на преступление

1. Приготовление к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

2. Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

3. Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Статья 31. Добровольный отказ от преступления

1. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

3. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления.

4. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

5. Если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания.

Глава 7. Соучастие в преступлении

Статья 32. Понятие соучастия в преступлении

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Статья 33. Виды соучастников преступления

1. Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник.

2. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами

(соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом.

3. Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

4. Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

5. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Статья 34. Ответственность соучастников преступления

1. Ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

2. Соисполнители отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на статью 33 настоящего Кодекса.

3. Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

4. Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

5. В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления.

Статья 35. Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)

1. Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.
2. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.
3. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.
4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.
5. Лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.
6. Создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана.
7. Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом.

Статья 36. Экссесс исполнителя преступления

Экссессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За экссесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Глава 8. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния

Статья 37. Необходимая оборона

1. Не является преступлением **причинение вреда** посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

3. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Статья 38. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

1. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

2. Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Статья 39. Крайняя необходимость

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Статья 40. Физическое или психическое принуждение

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием).

2. Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений статьи 39 настоящего Кодекса.

Статья 41. Обоснованный риск

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели.

2. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

3. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Статья 42. Исполнение приказа или распоряжения

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение.

2. Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

Раздел III. Наказание

Глава 9. Понятие и цели наказания. Виды наказаний

Статья 43. Понятие и цели наказания

1. Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.
2. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Статья 44. Виды наказаний

Видами наказаний являются:

- а) штраф;
- б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- г) обязательные работы;
- д) исправительные работы;
- е) ограничение по военной службе;
- ж) утрата силы;
- з) ограничение свободы;
 - з.1) принудительные работы;
- и) арест;
- к) содержание в дисциплинарной воинской части;
- л) лишение свободы на определенный срок;
- м) пожизненное лишение свободы;

н) смертная казнь.

Статья 45. Основные и дополнительные виды наказаний

1. Обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, **принудительные работы**, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь применяются только в качестве основных видов наказаний.

2. Штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы применяются в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний.

3. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется только в качестве дополнительных видов наказаний.

Статья 46. Штраф

1. Штраф есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за исключением случаев исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, устанавливается

в размере до стократной суммы таких подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей.

3. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет.

4. Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

5. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. При этом назначенное наказание не может быть условным.

Статья 47. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

1. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

2. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания. В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания.

3. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени

общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

4. В случае назначения этого вида наказания в качестве дополнительного к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, а также при условном осуждении его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу. В случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам, лишению свободы оно распространяется на все время отбывания указанных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия.

Статья 48. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград

При осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного суд может лишить его специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Статья 49. Обязательные работы

1. Обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями.

2. Обязательные работы устанавливаются на срок от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов и отбываются не свыше четырех часов в день.

3. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ.

4. Обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент **вынесения** судом **приговора** не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Статья 50. Исправительные работы

1. Исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, **отбывает** исправительные **работы** по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного.
2. Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет.
3. Из заработной платы осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов.
4. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ.
5. Исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Статья 51. Ограничение по военной службе

1. Ограничение по военной службе назначается осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.
2. Из денежного довольствия осужденного к ограничению по военной службе производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, но не свыше двадцати процентов. Во время отбывания этого наказания осужденный не может быть повышен в должности, воинском звании, а срок наказания не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания.

Статья 52. Утратила силу.

Статья 53. Ограничение свободы

1. Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

2. Ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

3. В период отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения.

4. Надзор за осужденным, отбывающим ограничение свободы, осуществляется в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также издаваемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти.

5. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ за два дня ограничения свободы или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы.

6. Ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Статья 53.1. Принудительные работы

1. Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые.

2. Если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами. При назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со статьей 80 настоящего Кодекса, принудительные работы не применяются.

3. Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

4. Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со статьей 80 настоящего Кодекса.

5. Из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов.

6. В случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ либо признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ неотбытая часть наказания заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ.

7. Принудительные работы не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим.

Статья 54. Арест

1. Арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца.
2. Арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет.
3. Военнослужащие **отбывают арест** на гауптвахте.

Статья 55. Содержание в дисциплинарной воинской части

1. Содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву. Это наказание устанавливается на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок.
2. При содержании в дисциплинарной воинской части вместо лишения свободы срок содержания в дисциплинарной воинской части определяется из расчета один день лишения свободы за один день содержания в дисциплинарной воинской части.

Статья 56. Лишение свободы на определенный срок

1. Лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 настоящего Кодекса, или только если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.
2. Лишение свободы устанавливается на срок от двух месяцев до двадцати лет.
3. Утратила силу.
4. За исключением случаев, предусмотренных частью пятой настоящей статьи, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности

преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более двадцати пяти лет, а по совокупности приговоров - более тридцати лет.

5. В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 210, статьей 210.1, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358, 360 и 361 настоящего Кодекса, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров - более тридцати пяти лет.

Статья 57. Пожизненное лишение свободы

1. **Пожизненное лишение свободы** устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

2. Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

Статья 58. Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения

1. Отбывание лишения свободы назначается:

а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, - в колониях-поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения;

б) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, - в исправительных колониях общего режима;

в) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, - в исправительных колониях строгого режима;

г) мужчинам, осужденным к пожизненному лишению свободы, а также при особо опасном рецидиве преступлений - в исправительных колониях особого режима.

2. Мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет, за совершение преступлений, предусмотренных статьей 205.2, частью второй статьи 205.4, частью первой статьи 206, частью первой статьи 211, статьями 220, 221, 360 настоящего Кодекса, а также при особо опасном рецидиве преступлений отбывание части срока наказания может быть назначено в тюрьме, при этом суд засчитывает время содержания осужденного под стражей до **вступления в законную силу** обвинительного приговора в срок отбывания наказания в тюрьме.

2.1. Мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.3, частью первой статьи 205.4, статьей 205.5, частями второй - четвертой статьи 206, статьей 208, частями второй - четвертой статьи 211, статьями 277 - 279, 281, 317, 361 настоящего Кодекса, отбывание части срока наказания назначается в тюрьме. При этом период отбывания наказания в тюрьме после зачета времени содержания лица под стражей до вступления в законную силу обвинительного приговора суда должен составлять не менее одного года. Определение вида исправительного учреждения для отбывания срока наказания, оставшегося после отбытия части срока наказания в тюрьме, осуществляется по правилам, установленным настоящей статьей.

3. Лицам, осужденным к лишению свободы, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, отбывание наказания назначается в воспитательных колониях.

4. Изменение вида исправительного учреждения осуществляется судом в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Статья 59. Смертная казнь

1. Смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь.

2. Смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

2.1. Смертная казнь не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

3. Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Глава 10. Назначение наказания

Статья 60. Общие начала назначения наказания

1. Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

2. Более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, может быть назначено по совокупности преступлений и по совокупности приговоров в соответствии со статьями 69 и 70 настоящего Кодекса. Основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, определяются статьей 64 настоящего Кодекса.

3. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Статья 61. Обстоятельства, смягчающие наказание

1. Смягчающими обстоятельствами признаются:

а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного **стечения обстоятельств**;

б) несовершеннолетие виновного;

в) беременность;

г) наличие малолетних детей у виновного;

д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания;

е) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;

ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения;

з) противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления;

и) **явка с повинной**, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления;

к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

2. При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи.

3. Если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Статья 62. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств

1. При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами "и" и (или) "к" части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

2. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом "и" части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

3. Положения части первой настоящей статьи не применяются, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

4. В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида

наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

5. Срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а в случае, указанном в статье 226.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, - одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Статья 63. Обстоятельства, отягчающие наказание

1. Отягчающими обстоятельствами признаются:

- а) рецидив преступлений;
- б) наступление тяжких последствий в результате совершения преступления;
- в) совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);
- г) особо активная роль в совершении преступления;
- д) привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность;
- е) совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- е.1) совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;
- ж) совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
- з) совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного;
- и) совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего;

- к) совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения;
- л) совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий;
- м) совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора;
- н) совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти;
- о) совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел;
- п) совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней);
- р) совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

1.1. Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ.

2. Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Статья 63.1. Назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве

В случае, если установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает ему наказание в

общем порядке без применения положений частей второй, третьей и четвертой статьи 62 настоящего Кодекса, касающихся срока и размера наказания, и статьи 64 настоящего Кодекса.

Статья 64. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление

1. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

2. Исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств.

3. Виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 210, статьей 210.1, частью четвертой статьи 211, статьей 361 настоящего Кодекса, либо виновным в совершении сопряженных с осуществлением террористической деятельности преступлений, предусмотренных статьями 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, не может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного указанными статьями, или назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотренный соответствующей статьей, либо не применен дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Статья 65. Назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении

1. Срок или размер наказания лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

2. Утратила силу.

3. При назначении наказания по совокупности преступлений или по совокупности приговоров вид, срок или размер наказания назначаются по правилам, предусмотренным статьями 69 и 70 настоящего Кодекса.

4. При назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Статья 66. Назначение наказания за неоконченное преступление

1. При назначении наказания за неоконченное преступление учитываются обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца.

2. Срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление.

3. Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление.

4. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются.

Статья 67. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии

1. При назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

2. Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику.

Статья 68. Назначение наказания при рецидиве преступлений

1. При назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

2. Срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

3. При любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания,

предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление.

Статья 69. Назначение наказания по совокупности преступлений

1. При совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление.

2. Если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению, либо покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

3. Если хотя бы одно из преступлений, совершенных по совокупности, является тяжким или особо тяжким преступлением, то окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

4. При совокупности преступлений к основным видам наказаний могут быть присоединены дополнительные виды наказаний. Окончательное дополнительное наказание при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса.

5. По тем же правилам назначается наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу. В этом случае в окончательное наказание засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда.

Статья 70. Назначение наказания по совокупности приговоров

1. При назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

2. Окончательное наказание по совокупности приговоров в случае, если оно менее строгое, чем лишение свободы, не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса.

3. Окончательное наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы не может превышать тридцати лет, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой статьи 56 настоящего Кодекса.

4. Окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда.

5. Присоединение дополнительных видов наказаний при назначении наказания по совокупности приговоров производится по правилам, предусмотренным частью четвертой статьи 69 настоящего Кодекса.

Статья 71. Порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний

1. При частичном или полном сложении наказаний по совокупности преступлений и совокупности приговоров одному дню лишения свободы соответствуют:

- а) один день принудительных работ, ареста или содержания в дисциплинарной воинской части;
- б) два дня ограничения свободы;
- в) три дня исправительных работ или ограничения по военной службе;
- г) восемь часов обязательных работ.

2. Штраф либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград при сложении их с ограничением свободы, арестом, содержанием в дисциплинарной воинской части, лишением свободы исполняются самостоятельно.

Статья 72. Исчисление сроков наказаний и зачет наказания

1. Сроки лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, принудительных работ, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы исчисляются в месяцах и годах, а обязательных работ - в часах.

2. При замене наказания или сложении наказаний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, а также при зачете наказания сроки наказаний могут исчисляться в днях. При этом с учетом положения части первой статьи 71 настоящего Кодекса двести сорок часов обязательных работ соответствуют одному месяцу лишения свободы или принудительных работ, двум месяцам ограничения свободы, трем месяцам исправительных работ или ограничения по военной службе.

3. Время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки содержания в дисциплинарной воинской части из расчета один день за полтора дня, ограничения свободы, принудительных работ и ареста - один день за два дня,

исправительных работ и ограничения по военной службе - один день за три дня, а в срок обязательных работ - из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

3.1. Время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей.2 и третьей.3 настоящей статьи, из расчета один день за:

а) один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима;

б) полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима;

в) два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

3.2. Время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день в отношении осужденных при особо опасном рецидиве преступлений; осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет; осужденных за преступления, предусмотренные статьями 205 - 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, статьями 208, 209, частью четвертой статьи 211, частями второй и третьей статьи 228, статьями 228.1, 229, 275, 276, 361 настоящего Кодекса, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные статьями 277 - 279 и 360 настоящего Кодекса.

3.3. Время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день в отношении срока нахождения осужденного, отбывающего наказание в строгих условиях в воспитательной колонии или исправительной колонии общего режима, в штрафном или дисциплинарном изоляторе, помещении камерного типа либо едином помещении камерного типа, в случае применения мер взыскания к осужденному в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

3.4. Время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

4. Время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу и время отбытия лишения свободы, назначенного приговором суда за преступление, совершенное вне пределов Российской Федерации, в случае выдачи лица на основании статьи 13 настоящего Кодекса засчитываются по правилам, установленным частями третьей и третьей.1 настоящей статьи.

5. При назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Статья 72.1. Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией

1. При назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

2. Контроль за исполнением осужденным обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Статья 73. Условное осуждение

1. Если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. Условное осуждение не назначается:

а) осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

а.1) осужденным за преступления, предусмотренные частями первой и второй статьи 205.1, статьей 205.2, частью второй статьи 205.4, частями первой - третьей статьи 206, частью четвертой статьи 210, статьями 210.1 и 360 настоящего Кодекса;

б) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

в) при опасном или особо опасном рецидиве.

2. При назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства.

3. При назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. В случае назначения лишения свободы на срок до одного года или более мягкого вида наказания испытательный срок должен быть не менее шести месяцев и не более трех лет, а в случае назначения лишения свободы на срок свыше одного года - не менее шести месяцев и не более пяти лет. Испытательный срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. В испытательный срок засчитывается время, прошедшее со дня провозглашения приговора.

3.1. В случае назначения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части условно испытательный срок устанавливается в пределах оставшегося срока военной службы на день провозглашения приговора.

4. При условном осуждении также могут быть назначены дополнительные виды наказаний.

5. Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

6. Контроль за поведением условно осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих - командованием воинских частей и учреждений.

7. В течение испытательного срока суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может отменить полностью или частично либо дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности.

Примечание. Для целей настоящей статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 настоящего Кодекса к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные статьями 131-135, 240, 241, 242.1 и 242.2 настоящего Кодекса, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Статья 74. Отмена условного осуждения или продление испытательного срока

1. Если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости. При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока.

2. Если условно осужденный уклонился от исполнения возложенных на него судом обязанностей, уклонился от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или совершил нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, может продлить испытательный срок, но не более чем на один год.

2.1. Если условно осужденный в течение продленного испытательного срока в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, систематически уклоняется от возмещения указанного вреда, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, также может **вынести решение** об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

3. Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрылся от контроля, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

4. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом.

5. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса. По этим же правилам назначается наказание в случаях, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи.

6. Правила, установленные частями четвертой и пятой настоящей статьи, применяются также, если преступления, указанные в этих частях, совершены до вступления приговора, предусматривающего условное осуждение, в законную силу. В этом случае судебное

разбирательство в отношении нового преступления может состояться только после вступления приговора, предусматривающего условное осуждение, в законную силу.

Anexo 3. Glosario de unidades fraseológicas analizadas en el TFM

	RUSO	ESPAÑOL
1	В силу	<i>En virtud de</i>
2	Преступления небольшой тяжести	<i>Delitos leves</i>
3	Преступления средней тяжести	<i>Delitos menos graves</i>
4	Тяжкие преступления	<i>Delitos graves</i>
5	Особо тяжкие преступления	<i>Delitos graves</i>
6	Смягчающие обстоятельства	<i>Circunstancias atenuantes</i>
7	Отягчающие обстоятельства	<i>Circunstancias agravantes</i>
8	Мягкое наказание	<i>Pena menor</i>
9	Утратить силу	<i>Perder vigencia</i>
10	Нести ответственность	<i>Incurrir en responsabilidad</i>
11	Ответственность наступает	<i>Incurrir en responsabilidad</i>
12	Подлежать ответственности	<i>Ser penalmente responsable / Quedar sujeto a la responsabilidad</i>
13	Тяжкий вред	<i>Lesión grave / muy graves</i>
14	Вред средней тяжести	<i>Lesión moderada</i>
15	Неоконченное преступление	<i>La tentativa</i>
16	Оконченное преступление	<i>Delito consumado</i>
17	Доведение (доводить) преступления до конца	<i>Llevar a cabo el delito</i>
18	Причинение / причинять вреда	<i>Causar daño</i>
19	Принудительные работы	<i>Trabajos en beneficio de la comunidad / trabajos forzados</i>
20	Выносить приговор	<i>Dictar sentencia</i>
21	Отбывать работы	<i>Cumplir con la pena de trabajos</i>
22	Исправительные работы	<i>Trabajos en beneficio de la comunidad</i>
23	Злостное уклонение	<i>Evasión dolosa/intencionada</i>
24	Отбывать наказание	<i>Cumplir la pena</i>
25	Отбывать арест	<i>Cumplir la pena de prisión</i>
26	Пожизненное лишение свободы	<i>Cadena perpetua</i>
27	Вступление в законную силу	<i>Entrada en vigor</i>
28	Стечение обстоятельств	<i>Concurrencia de circunstancias</i>
29	Явка с повинной	<i>Confesión</i>
30	Выносить решение	<i>Dictar sentencia</i>

1. ВВЕДЕНИЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДОЛОГИИ И ЦЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках административно-юридического перевода, в которых находится данная магистерская диссертация, можно выбрать множество направлений исследования. Один из них заключается в сравнении того, как разные языки мира переводят тексты аналогичного характера, например, некоторые юридическо-административные тексты. Данная работа вдохновлена этим направлением исследований, и ее основной задачей является установление некоторых различий между способами перевода на русский и испанский языки в уголовных кодексах России и Испании, в частности, в отношении определенных фразеологических единиц, определение которых будет изложено в ходе работы. Основное отличие данной работы от других заключается в том, что это исследование добавляет теоретический компонент из другой дисциплины, отличной от теории перевода: лингвистики. Это дает преимущество того, что перспектива исследования будет в определенной степени междисциплинарной, а значит, более полной.

Среди языковых единиц, которые могут изучаться переводом как дисциплиной, есть определенные языковые единицы, так называемые фразеологические единицы, которые характеризуются определенной идиоматичностью, устойчивостью и фиксированным синтаксисом. Фразеологические единицы не означают в точности то, что означает каждый компонент их языкового соединения, но их значение формализовано в зависимости от рассматриваемого языка и культуры. Поэтому для того, чтобы переводчик мог выбрать наиболее подходящий перевод для фразеологической единицы, он должен быть знаком с языком перевода, исходным языком и некоторыми особенностями культуры этих языков. В данной работе изучается использование определенных фразеологических единиц в области административно-юридических текстов; это исследование будет дополнено использованием лингвистического корпуса. Лингвистические характеристики фразеологических единиц, которые кратко изложены в этом исследовании, подчеркивают необходимость для переводчика быть знакомым также и с областью лингвистики, если он/она хочет получить правильный перевод исходного текста.

Данная работа состоит из вводной части, где представлены основы исследования (§ 1), в частности, объект исследования, связанный с формами перевода фразеологических единиц в уголовных кодексах России и Испании (§ 1.1). Далее, в разделе представлена методология, вдохновленная изучением первоисточников и извлечением данных из лингвистического корпуса (§ 1.2). Данный вводный раздел завершается изложением исследовательских вопросов, которые будут определять ход исследования данной работы вплоть до выводов, цель которых — ответить на поставленные исследовательские вопросы (§ 1.3).

Затем, с целью уточнения некоторых теоретических предпосылок как дисциплины теории перевода, так и лингвистики, открывается раздел, в котором будут представлены некоторые основные понятия для понимания основной части исследования (§ 2). Также представлены наиболее значимые характеристики испанских и российских юридических текстов, которые очень важны для последующей основы исследования (§ 2.1). Далее изучены проблемы перевода юридических текстов (§ 2.2), понятие фразеологической единицы или фразеологизма (§ 2.3), а также испанский и российский уголовные кодексы (§ 2.4).

После заложения основ исследования, мы переходим к основной части работы, которая состоит в основном из двух теоретико-практических разделов (§ 3 и § 4). В первом из них представлены основные результаты, полученные в ходе проверки уголовных кодексов (§ 3.1), эти результаты упорядочены, разделены и проанализированы (§ 3.2), вместе с необходимыми корпусными данными. Во втором разделе ставится цель представить данные, которые с трудом находят эквивалентность в случае испанского кодекса (§ 4.1), и те, которые соответствуют испанскому кодексу (§ 4.2). Последний раздел является наиболее практическим, поскольку предоставляет возможные переводы фразеологических единиц с русского языка на испанский в области административно-юридического языка.

В заключении работы рассматривается раздел, в котором сформулированы основные выводы, полученные в результате исследования и отвечающие на вопросы исследования, которые поставлены во вводном разделе, а также в будущих исследованиях (§ 5). Наконец, работа завершается блоком из трех приложений. Первые два являются точным отражением двух выдержек из Уголовного кодекса Российской Федерации; читателю настоятельно рекомендуется ознакомиться с ними при чтении данного исследования, поскольку они являются хорошим руководством к пониманию сути исследования. Третье приложение, более практическое, представляет глоссарий

терминов, встречающихся в Уголовном кодексе Российской Федерации, переведенный на испанский язык. Данные приложения являются собственной разработкой, в особенности последнее, поскольку является предложением собственного перевода, тем самым, подразумевая совершенно практическую часть данной магистерской диссертации.

1.1 Представление объекта исследования

Объектом данной работы является анализ административно-юридического языка. В рамках этого языка, характерного для многих официальных административно-юридических документов, мы перейдем к анализу некоторых лексикализованных форм русского юридического языка (фразеологических единиц, как будет показано ниже) и их сравнению с соответствующими формами в административно-юридическом языке Испании. Анализ будет проводиться в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации. Учитывая цели данной работы, следует отметить, что подробный анализ всего законодательства невозможен, поскольку кодекс является очень объемным. По этой причине было решено выбрать только два раздела кодекса:

- Раздел II. Преступление (стр. 3-12)
- Раздел III. Наказание (стр. 12-29)

Только в пределах этих диапазонов страниц будет осуществляться поиск лексикализованных единиц. После того, как единицы будут идентифицированы, их поиск будет осуществляться в лингвистическом корпусе на русском языке, чтобы убедиться, что они действительно являются единицами, привязанными к определенному языковому контексту. После выполнения этой задачи они будут сопоставлены с их эквивалентом в Уголовном кодексе дополнительного законодательства Испании.

Следует отметить, что для лучшего понимания работы и облегчения доступа читателя к первоисточникам, эти два раздела объекта исследования представлены в конце данной работы, в виде приложения. Данные будут извлекаться из этих двух текстов и при необходимости указываться в тексте работы в качестве примера.

1.2 Методология

Что касается методологии, то данная работа построена на основе гипотетико-дедуктивной модели, то есть опирается на теоретические предпосылки, общие для теории перевода и лингвистики, где на основе связи между устойчивым языком с достаточно фиксированным синтаксисом, таким как административно-юридический язык уголовного кодекса, и концепцией лексико-семантической солидарности, которая обуславливает нечто подобное в лингвистике, были размещены определенные корпусные лингвистические данные.

Исходная гипотеза заключается в том, что строгость структуры юридического языка, безусловно, позволяет определенным фразеологическим единицам в русском языке иметь очень фиксированный синтаксис, таким образом, что между определенными словами существуют очень тесные связи. Эта гипотеза была противопоставлена современным российским данным из уголовного кодекса и лингвистического корпуса, которые позволили получить информацию о том, действительно ли единица связана с определенными контекстами. Поэтому данная работа построена на нескольких примерах, для которых мы использовали а) Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), полученный через сайт интернета, б) данные, извлеченные из лингвистического корпуса (в основном Sketch Engine) и в) Уголовный кодекс и дополнительное законодательство (УКДЗ) Испании, также полученное через сайт интернета.

Что касается второго пункта, то следует остановиться на нем более подробно, чтобы объяснить, как устроен корпус и как осуществлялось его использование. Прежде всего, следует отметить, что использовался только доступный в интернете лингвистический корпус Sketch Engine, который содержит большое количество форм многих языков мира, включая испанский и русский. Необходимо подчеркнуть, что корпус содержит очень богатую базу данных многочисленных мировых языков, включая романские языки (испанский, французский, португальский, итальянский), германские языки (немецкий, голландский, английский), славянские языки (польский, русский), азиатские языки (китайский, японский, корейский) и арабские (арабский). Такое широкое разнообразие позволяет создавать подкорпуса внутри этого макрокорпуса, чтобы можно было сфокусировать поиск на конкретных языках. Из этого большого многообразия были использованы только два подкорпуса, состоящие из корпуса испанского языка (насчитывающего в общей сложности 16 951 839 897 форм) и корпуса русского языка (насчитывающего в общей сложности 14 553 856 113 форм). Оба корпуса

в основном состоят из текстов с сайта Википедии и текстов с административно-юридических сайтов, а также общих газет разных стран.

При поиске форм, содержащихся в уголовных кодексах, рассматриваемый корпус позволяет осуществлять совершенно разные виды поиска. С одной стороны, это позволяет осуществлять более простой поиск, связанный с поиском без лемматизации или с лемматизацией. С другой стороны, способность корпуса также позволяет осуществлять более сложный и детальный поиск, благодаря некоторым инструментам, которые даже позволяют сопоставлять лемматизацию с сочетаемостью между словами и грамматической категорией, к которой должно принадлежать каждое слово. В этом смысле мы воспользовались поиском на SQL, который, как объясняют сами создатели корпуса, позволяет искать лексикализованные единицы и единицы с несвободным синтаксисом. Этот тип поиска идеально подходит для нахождения фразеологических единиц, которые, как будет показано ниже, можно определить как языковые единицы с фиксированным синтаксисом, утратившие свое первоначальное лексическое значение.

Полученные результатов на каждом языке были отфильтрованы, и внимание было сосредоточено исключительно на данных, встречающихся в административно-юридических текстах, чтобы убедиться, что связь между этими единицами и рассматриваемыми фразеологическими единицами была хорошо установлена. Конечно, поиск испанских данных был пространственно сокращен до территории современной Испании, а российских данных — до всей территории современной России.

Что касается уголовных кодексов России и Испании, стоит отметить, что они были получены из интернета, и мы всегда старались анализировать последние версии уголовных кодексов обеих стран, то есть обновленную версию от 10 ноября 2021 года в случае Испании и версию от 13 июня 1996 года в случае России. Поскольку в качестве исходного текста использовался Уголовный кодекс Российской Федерации, а исходным языком является русский, он был добавлен в конце работы, в виде двух приложений (см. Приложение I и Приложение II для прямого доступа к полному тексту). Фразеологические единицы двух анализируемых частей Уголовного кодекса Российской Федерации можно найти в данных приложениях, подчеркнутые и выделенные жирным шрифтом.

В рамках методологии невозможно не добавить комментариев о некоторых ограничениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться в этой работе. Наиболее заметное ограничение связано с доступом к данным, что всегда является проблемой для

любого исследования. Несомненно, хотя корпуса и имеют очень широкий перечень, они часто разрознены и не все соответствуют одним и тем же критериям хранения данных; инструменты поиска хороши, но недостаточно детализированы, чтобы всегда находить искомые данные. Еще одно ограничение связано с лицензиями на *Sketch Engine*: Университет Алькалы заключил своего рода соглашение с этим корпусом, поэтому он был бесплатным для студентов; но несколько месяцев назад лицензия была ограничена, и теперь корпус является платным (или пробным на один месяц). Таким образом, доступ должен быть очень быстрым.

1.3 Цели исследования

Предлагаемое исследование в основном направлено на разработку исследовательских вопросов, ответы на которые предполагается дать в выводах. Исследовательские вопросы (ИВ) изложены ниже:

- ❖ **ИВ 1:** существуют ли фразеологические единицы, связанные с конкретными типами административно-юридического языка Уголовного кодекса Российской Федерации?
- ❖ **ИВ 2:** если ответ на первый вопрос является утвердительным, связаны ли эти фразеологические единицы с другими текстами корпуса, имеющими сходные характеристики с административно-юридическими текстами?
- ❖ **ИВ 3:** какой перевод на испанский язык можно предложить для данных фразеологических единиц Уголовного кодекса Российской Федерации, и какие проблемы при этом возникают?

На протяжении всей работы мы отвечаем на вышеуказанные вопросы, при этом основная цель исследования — продемонстрировать, что после того, как мы предположили факт существования определенных языковых единиц, связанных с правовой языковой средой (Гипотеза 1, для ИВ 1), существуют фразеологические единицы, связанные с другими текстами юридического корпуса (Гипотеза 2, для ИВ 2), подобно тому, как это происходит в испанском языке (Гипотеза 3, для ИВ 3). Центральная проблема заключается в том, как перевести фразеологическую единицу с русского языка на испанский, когда возможно, что в испанском языке она не является

фразеологической единицей, или необходимо прибегнуть к другому типу языковой единицы для обозначения понятия, которое должно быть выражено в русском языке.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

В данном разделе представлены теоретические понятия, необходимые для понимания результатов исследования. Раздел структурирован следующим образом: сначала представлен подраздел, в котором отражены основные характеристики русского юридического текста и испанского юридического текста (§ 2.1), а затем подраздел, в котором представлены проблемы эквивалентности юридических текстов (§ 2.2). Далее, с целью уточнения некоторых теоретических предпосылок дисциплины лингвистики, вводится термин фразеологическая единица, в частности, подтермины «коллокация» и «фразеологические единства» (§ 2.3). Наконец, глава завершается некоторыми размышлениями об уголовных кодексах как объекте исследования (§2.4).

2.1 Характеристика российских и испанских юридических текстов

Существует утверждение о том, что в наше время наблюдается большая тенденция определять, называть и регулировать каждый элемент и текущий момент нашего существования. Это явление обусловлено заметным научно-техническим прогрессом за последние несколько десятилетий. Любопытно, однако, что эта тенденция, которую мы сейчас наблюдаем, схожа с той, которую демонстрировала область права с момента своего зарождения. Очевидно, что с тех пор, как начали формироваться первые общества, одним из первых действий было установление правил сосуществования, основанных на справедливости и суверенитете, которые регулировали конфликты, возникающие между членами общества. С учетом вышесказанного, «право» можно неформально определить как систему норм и правил обязательного и карательного характера, без которых не может существовать ни одно цивилизованное общество. В свою очередь, эти письменные правила и нормы имеют свою собственную структуру и даже язык. С учетом этой особенности в первом подразделе данной работы будет рассмотрено понятие «юридического текста» и проведен сравнительный анализ испанских юридических текстов и российских юридических текстов на основании определенных классификаций и характеристик.

Заметный вклад в теоретическую разработку юридического текста и его перевода на другие языки внесли такие исследователи, как Майораль (1999), Борха (2000) и Лобато (2007), а также многие другие, чей вклад был очень хорошо обобщен в исследовании Гутierrez Арконеса (2015). Принимая во внимание упомянутые выше исследования, будет рассмотрен термин «юридический текст». Согласно определению, данному Борхой (2000), юридический текст определяется следующим образом:

Перевод с одного языка на другой текстов, используемых в отношениях между государственным органом и гражданином (например: заявления, иски, поручения, повестки, законы), а также, естественно, текстов, используемых для регулирования отношений между физическими лицами, имеющих юридическое значение (контракты, завещания или доверенности).

(Борха 2000: адаптировано из работы Гутierrez Арконеса 2015)

Аналогичным образом, исходя из русскоязычной литературы, Шлепнев (2017) определяет «юридические тексты» как тексты разных жанров, в разных коммуникативных ситуациях, которые объединяет их институциональное отношение к созданию, применению и разъяснению права. Согласно этим определениям, можно сделать вывод, что оба исследователя разделяют правовой подход. Однако Майораль (1999) представляет более междисциплинарный подход, поскольку он затрагивает как лингвистические, так и юридические аспекты. В данном исследовании «юридические тексты» рассматриваются как сообщения, которые относятся к сообществам с их собственными правовыми системами, и которым часто приходится адаптироваться к требованиям иностранных правовых систем, т.е. правовых систем, которые не подходят для конкретного сообщества (Майораль 1999). Целям данной работы соответствует точка зрения Майорала (1999).

Что касается лингвистических характеристик, соответствующих юридическому тексту, были проанализированы классификации, представленные в исследованиях Лобато (2007) (из работы Гутierrez Арконеса 2015) и Гутierrez Алвареса (2010). Среди них можно выделить следующие:

1. На лексическом уровне:

а) наблюдаются как общеупотребительные юридические слова, так и юридические техницизмы (*cohecho, litisconsorcio, anticresis*) и идиомы (*iurios tantum, ex nunc* и т.д.).

б) Архаизмы: *otrosí* и т.д.

2. На грамматическом уровне:

а) Чрезмерное использование пассивных и безличных конструкций, например, «*se administra en nombre del Rey...*».

б) Использование будущего сослагательного наклонения, например: *se hallare, no cumpliere*.

в) Использование прилагательных в именных синтагмах: «*...se fundamenta en la INDISOLUBLE unidad ...*».

г) Частое использование герундия: «*ocultando, alterando o utilizando el cuerpo...*».

д) Обилие сложноподчиненных предложений.

е) Перифрастические конструкции: *daños y perjuicios, cargas y gravámenes*.

(Адаптировано из Лобато 2007 и Гутьерреса Алвареса 2010)

Что касается стиля юридических текстов, Кобос Лопес (2012: 48) утверждает, что это «стиль, которому не хватает простоты», и приводит определенные характеристики, присущие этому типу текста, среди которых следующие четыре понятия были выделены как основные:

- объективность ввиду использования культизмов и безличных конструкций,
- запретительный стиль, из-за обилия отрицаний в предложениях,
- точность и ясность, что подразумевает обильное использование фразеологических единств,
- условности, вежливость тона.

(Адаптировано из работы Кобоса Лопеса 2012)

Интересно, что большинство из вышеупомянутых особенностей можно применить к российскому правовому тексту. Хотя среди особенностей русского юридического текста можно выделить преобладание настоящего изъявительного времени, в испанском юридическом языке очень часто можно встретить глагольные времена простого будущего времени, что позволяет сделать вывод о том, что испанские юридические тексты имеют более повелительный характер (Исолахти 2008). Предписывающий характер можно наблюдать и в российских юридических текстах, но он выражается другими средствами, которые обобщены в работах Верба и Гусмана Тирадо (2005):

- Использование инфинитивов: «обеспечить своевременную выплату зарплаты»; «восстановить в должности»; «отчитаться»; «принять к сведению»; «внести предложение»; «рекомендовать»; «изъять из употребления».
- Избегание использования повелительного наклонения, прибегая к модальным глагольным конструкциям: «должен», «обязан», «обязателен», «подотчетен», «подсуден», «ответствен».

(Адаптировано из работы Верба и Гусмана Тирадо 2005)

Некоторые морфосинтаксические особенности, связанные с именем существительным и именем прилагательным, также должны быть проанализированы более подробно, поскольку определенный недостаток знаний об этих частях речи может явно затруднить перевод юридического текста.

Из исследования Верба и Гусмана Тирадо (2005) следует, что в юридической терминологии, как испанской, так и русской преобладает тенденция к номинализации глагольных форм (например, исп.: *enajenar* – *enajenación*; *divulgar* – *divulgación*; *heredar* – *herencia*, etc.; рус. согласовывать – согласование, подписывать – подписание, не допускать – недопустимость). Тем не менее, как уже упоминалось выше, испанский юридический язык отличается наличием перифрастических конструкций, которые представляют собой два синонимичных существительных, не соответствующих русскому юридическому языку, поэтому в этих случаях наблюдается опущение одного из элементов: *voz y voto* – голос, *riñas y pendencias* – споры, *armonía y concordia* –

согласие, etc. В обоих языках проявляется использование существительных, составляющих коллокации с глаголом, вместо использования глагола с тем же значением (например, исп. tomar parte – participar, realizar pagos – pagar, imponer una reclamación – reclamar; рус. вносить дополнения – дополнять, вносить уточнения – уточнять, производить оплату – оплачивать). Что касается прилагательных, то, согласно Верба и Гусману Тирадо (2005), прилагательные в юридическом языке обычно конкретизируют значение существительного. Как в русских, так и в испанских юридических текстах наблюдается обилие прилагательных, сопровождающих существительные без каких-либо соединительных элементов (например, исп. cuota íntegra ajustada positiva, libre uso público (y) gratuito; рус. эмиссионные ценные бумаги, некоммерческие юридические лица).

Однако в испанских юридических текстах одно и то же существительное может сопровождаться антепозиционным прилагательным с пояснительной функцией и постпозиционным прилагательным с конкретизирующей функцией. Естественно, что в испанском языке преобладает постпозиция прилагательного, хотя в юридических текстах чаще встречается антепозиция (Верба и Гусман Тирадо 2005). В русском языке, напротив, независимо от типа текста, прилагательное почти всегда ставится перед существительным. Далее в качестве примера приводится предложение из работы Верба и Гусмана Тирадо (2005: 26), а затем используется перевод для анализа позиции прилагательных в анализируемых языках.

- Пример: *El secretario es el único funcionario competente para dar fe con plenitud de efecto de las acciones judiciales.*
- Перевод на русский язык: *Секретарь является единственным компетентным должностным лицом, которое имеет полномочия протоколировать судебные разбирательства.*

Такое усложнение языка характерно для юридических текстов и будет наиболее актуальным для анализа, предлагаемого в данном исследовании: для юридических текстов также характерно использование фразеологических единиц, которые являются устойчивыми и используются, как будет показано ниже, в специфической языковой среде, как в случае с уголовными кодексами.

Другим важным аспектом, который необходимо проанализировать, является синтаксическая структура русских и испанских юридических текстов. В работе Верба и Гусмана Тирадо (2005) характеристики этих текстов представлены подробно, но в данной работе мы обобщим наиболее важные моменты. В основном, русские и испанские юридические тексты состоят из абзацев примерно в двадцать-тридцать строк и сформированы из одного-двух длинных предложений, что затрудняет понимание в целом, ввиду преобладания подчиненных предложений или перечисления. Для подтверждения этого постулата приводится, в качестве примера, абзац на испанском языке из УКДЗ от 10 ноября 2021 года, который будет проанализирован позже в практической части работы, как показано в (1). Другой пример, подтверждающий указанную особенность русских текстов, взят из УК РФ от 13 июня 1996 года (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ), как видно из (2).

- (1) La Ley Orgánica 5/2000, de 12 de enero, reguladora de la responsabilidad penal de los menores, en el apartado 24 de su exposición de motivos, prevé una regulación más extensa de algunos de sus aspectos en el reglamento que en su día se dicte en su desarrollo. Asimismo, en diferentes artículos de la ley orgánica hay llamamientos concretos al desarrollo reglamentario para establecer: la periodicidad con que se remitirá al juez de menores y al Ministerio Fiscal los informes sobre la ejecución de la medida y sus incidencias, y sobre la evolución personal de los menores sometidos a ellas; los permisos ordinarios y extraordinarios de los que podrá disfrutar el menor internado; los requisitos para trasladar al menor de centro fuera de la comunidad autónoma; el derecho del menor a comunicarse libremente con sus padres y familiares, y a disfrutar de salidas y permisos; el derecho de las menores internadas a tener en su compañía a sus hijos menores de tres años; la forma y la periodicidad de las actuaciones de vigilancia y seguridad en los centros; los medios de contención para evitar actos de violencia, impedir actos de fuga y daños en las instalaciones, o ante la resistencia a las instrucciones del personal del centro, y el régimen disciplinario de los centros para la ejecución de las medidas privativas de libertad.

(УКДЗ, раздел 8, стр. 541)

- (2) а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частями второй-четвертой статьи 111, частью второй статьи 126, статьями 127.1, 127.2, частью второй статьи 141, статьей 141.1, частью второй статьи 142, статьей 145.1 (если преступление совершено из корыстных побуждений), статьями 146, 147, статьями 153-155 (если преступления

совершены из корыстных побуждений), статьями 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 174, 174.1, 183, частями третьей и четвертой статьи 184, статьями 186, 187, 189, 191.1, 201.1, частями пятой - восьмой статьи 204, статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, частью второй статьи 228.2, статьями 228.4, 229, 231, 232, 234, 235.1, 238.1, 240, 241, 242, 242.1, 258.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1 - 282.3, 283.1, 285, 285.4, 290, 295, 307-309, частями пятой и шестой статьи 327.1, статьями 327.2, 355, частью третьей статьи 359, статьей 361 настоящего Кодекса, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, ответственность за которое установлена статьями 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 настоящего Кодекса, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

(УК РФ, ст. 104.1, стр. 44)

Другой особенностью является введение противительных, разделительных и уступительных конструкций, которые внедряют определенные исключения в рамках положений или правил. Примеры из УКДЗ и УК РФ приведены в (3) и (4), соответственно.

- (3) No obstante, tendrán efecto retroactivo aquellas leyes penales que favorezcan al reo, aunque al entrar en vigor hubiera recaído sentencia firme y el sujeto estuviese cumpliendo condena.

(УКДЗ, раздел 1, ст. 2, стр. 3)

- (4) Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

(УК РФ, ст. 28, стр. 8)

Также, для детализации случаев и применения закона, в юридических текстах используются условные предложения, как видно из (5) и (6).

- (5) Si mediara petición de indulto, y el Juez o Tribunal hubiere apreciado en resolución fundada que por el cumplimiento de la pena puede resultar vulnerado el derecho a un proceso sin dilaciones indebidas, suspenderá la ejecución de la misma en tanto no se resuelva sobre la petición formulada.

(УКДЗ, раздел 1, ст. 4, стр. 4)

- (6) Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

(УК РФ, ст. 29, стр. 8)

Кроме того, как наблюдается из (7) и (8), совершенно естественным является частое использование придаточных предложений времени для указания обстоятельств, при которых происходит событие или применяется правило.

- (7) Tan pronto como se ordene la incoación del procedimiento para las causas ante el Tribunal del Jurado, se pondrán en conocimiento del Ministerio Fiscal quien comparecerá e intervendrá en cuantas actuaciones se lleven a cabo ante aquél.

(УКДЗ, раздел 5, ст. 306, стр. 316)

- (8) Для целей настоящей статьи под незаконной розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, совершенной неоднократно, понимается продажа такой продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

(УК РФ, ст. 171.4, стр. 94)

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в российских и испанских юридических текстах присутствуют как общие тенденции, так и различные особенности, присущие языку, на котором они написаны. Среди их общих характеристик можно выделить следующие: использование технических терминов, архаичная лексика, чрезмерное использование безличных, придаточных конструкций, длинные

подчиненные предложения, введение условных и временных предложений, тенденция к номинализации, стиль, лишенный простоты, и устойчивость языка (отсюда, как мы увидим, использование фразеологических единиц). Однако на грамматическом уровне наблюдаются другие характеристики. Для достижения прескриптивного характера в русских юридических текстах используются инфинитив настоящего времени, модальные глагольные конструкции и инфинитив, в то время как в испанских юридических текстах преобладает простое будущее время. В обоих текстах наблюдается обильное использование прилагательных, но в испанских юридических текстах одно и то же существительное сопровождается антепозиционным прилагательным с пояснительной функцией и постпозиционным прилагательным с конкретной функцией, в то время как в русском языке наблюдается антепозиция по отношению к существительному. К другим особенностям испанских юридических текстов относятся следующие: использование будущего сослагательного наклонения, частое употребление герундия и перифрастических конструкций.

2.2 Проблемы эквивалентности в юридических текстах

Прежде чем исследовать проблемы эквивалентности перевода в юридических текстах, необходимо дать определение терминам «перевод» и «юридический перевод». Термин «перевод» может иметь множество значений, и его определение зависит от целей исследования и принадлежности исследователя к определенной школе мысли. В этом смысле Черняховская (1976) отталкивается от методов структурного исследования и определяет «перевод» как трансформацию структуры дискурсивного произведения, в результате которой при неизменном плане содержания изменяется план выражения: один язык заменяется другим. В терминологическом словаре «Основные понятия переводоведения» упоминается Комисаров (1973), который следует семантическим теориям и утверждает, что перевод «заключается в раскрытии сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода» (Комисаров 1973: 38). Среди современных исследований, в которых также рассматриваются проблемы, связанные с переводом, выделяются в работе Латышева и Романова (2009), которые разделяют точку зрения Комисарова (2010), добавляя, что перевод — это «тип межъязыкового общения» (Латышева и Романов 2009: 2). Позиция Комисарова (2010) и его сторонников соответствует задачам исследования, поставленным в данной работе, поскольку рассматривается с точки зрения получателя — адресата сообщения текста «языка перевода» (ЯП). Таким образом, перевод можно считать успешным, если его получатель

понимает, что текст воспроизведен так, как если бы он был оригинальным, с точки зрения структуры и содержания. Очевидно, что существуют различные виды перевода, и к каждому из них предъявляются определенные требования; но, поскольку в данной работе исследуется юридический перевод, основной задачей которого является информирование получателя, последнее определение является более подходящим.

С появлением переводческой дисциплины переводчик, выполняя свою работу, постоянно сталкивался с необходимостью выбирать между различными формами перевода, решать, что является наиболее важным и что следует отражать в тексте ЯП, и отдавать предпочтение тому или иному методу, чтобы преодолеть возникающие трудности. В зависимости от выбранных переводчиком переводческих предпочтений сформировались определенные предполагаемые принципы перевода. Следовательно, вопрос о переводе, близком к «оригинальному тексту» (ОТ), обсуждался с древних времен. Известно, например, что ранние переводы Библии (или других произведений, считавшихся священными) отличались склонностью к буквальному копированию оригинала, что иногда приводило к полному непониманию перевода. Поэтому позже некоторые переводчики пытались теоретизировать право переводчика на большую свободу, считая, что самое главное — это воспроизвести общий смысл. Отсюда берет начало дискуссия о дословном и вольном переводе, которая продолжается и сегодня.

Савори (1968) проанализировал различные принципы перевода по мнению разных авторов и составил список взаимоисключающих критериев, из которых ниже приведены только наиболее значимые для данной работы:

- Перевод должен передавать слова оригинала.
- Перевод должен передавать мысль оригинала.
- Перевод должен быть похож на оригинал.
- Перевод должен читаться как перевод.
- Перевод должен отражать стиль оригинала.
- Перевод должен отражать стиль переводчика.
- В переводе могут допускаться дополнения и пропуски.
- Перевод не должен допускать дополнений и пропусков.

(Адаптировано из работы Савори 1968)

Исходя из вышеперечисленных критериев следует отметить, что нет тенденции ставить вольный перевод на уровень выше дословного и наоборот. Поэтому каждый переводчик выбирает тот метод, который ему больше подходит, а в некоторых случаях применяет разные методы, в зависимости от функции текста. В данной работе исследуется перевод юридических текстов, поэтому уместнее обратиться к основным принципам перевода, предложенным в книге Уртадо Альбира (2001).

Одним из таких принципов является приоритет коммуникации и соответствие языку перевода. Для выражения одного и того же коммуникативного намерения в каждом языке используются разные языковые средства. По этой причине, например, чтобы выразить, что человек отличается от других, благодаря определенным характеристикам, используются различные формулы: в испанском языке - *la oveja negra* (черная овца), в русском - белая ворона (*cuervo blanco*), а в английском - *odd duck* (странная утка). Поэтому в некоторых случаях нельзя использовать технику дословного перевода, так как задуманное сообщение не будет понято адресатом.

Еще один из основных принципов Уртадо Альбира (2001) – актуализация: смысл. В этом случае можно говорить о таком классическом понятии в лингвистике, как полисемия – средстве, используемом для расширения и введения лексики, придающем двусмысленность слову, такому как, например, «derecho». В работе Уртадо Альбира (2001) полисемия также иллюстрируется примером из рекламного текста RENFE: «Cualquier estación es buena para viajar en tren». Этот пример может иметь двойное толкование, поскольку слово «estación» может быть переведено на русский язык как «станция», если речь идет о месте остановки транспортного средства, или как «время года» (Уртадо Альбир 2001: 32-33), если речь идет о каждой из четырех временных отрезков, на которые делится год.

Проанализировав примеры основных принципов, приведенных в работе Уртадо Альбира (2001), подтверждается теория Комисарова (2002) о невозможности достижения полной эквивалентности в переводе. Это не только неизбежные пропуски, связанные с трудностью передачи определенного стиля, культурных или исторических реалий, но и несовпадение отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний.

С целью подтверждения вышеуказанного утверждения, будет проанализировано более подробно русское предложение: Девочка катается на лыжах. В этом предложении слово «катается» образовано глаголом «катать» (ездить) и частицей «ся», которая

означает, что действие совершается самим субъектом, буквально «катать себя» (ездить самому). Поэтому при дословном переводе этого предложения на испанский язык получится: «Una chica monta a sí misma en esquí». Следует также отметить, что в русском языке нет глагольного времени, указывающего на то, происходит ли действие в данный момент или это привычное действие. Обычно в русском языке этот концепт воспринимается в силу контекста. Поэтому правильным переводом будет «Una chica está esquíando». По мнению Комисарова (2002), из-за отсутствия тождества отношение между содержанием оригинала и перевода обозначается как «эквивалентность». Поскольку важность максимального совпадения между ОТ и текстом ЯП кажется очевидной, эквивалентность часто считается основным условием существования перевода.

Далее будет проведено различие между различными уровнями эквивалентности. В иерархии уровней эквивалентности существует следующая закономерность: каждый уровень подразумевает эквивалентность на более высоких уровнях. Таким образом, эквивалентность на синтаксическом уровне подразумевает эквивалентность на семантическом и прагматическом уровнях; обратной зависимости не существует. Прагматическая эквивалентность не может существовать без семантической эквивалентности, и уж тем более без синтаксической эквивалентности. Понятие «эквивалентности» является нормативным понятием, и отклонение от иерархии уровней приводит к нарушению нормы перевода. Для того чтобы правильно использовать лексические, или словарные, соответствия, необходимо различать следующие типы семантических отношений между словами:

(9) Если значения слов в испанском и русском языках полностью совпадают, независимо от контекста, т.е. значение испанского слова передается тем же эквивалентом, например, названия стран или научно-технические термины, например, *Venezuela es el país con mayor índice de criminalidad.* – *Венесуэла — это страна с высоким уровнем преступности.*

(10) Если значение слова в испанском языке соответствует нескольким словам в русском, мы имеем дело с вариантным соответствием, в котором переводчик должен учитывать роль контекста; например, *Acaba de iniciarse la instrucción del proceso y se le informará de todo a su debido tiempo* (Кафка, «Процесс») – Процесс/разбирательство только началось, и вы будете проинформированы в установленном порядке.

Поиск эквивалентности при переводе юридических текстов сопряжен с определенными трудностями. Прежде всего, это юридическая терминология. Общее правило перевода терминов заключается в том, что термин переводится термином. Многие термины имеют устойчивый эквивалент в русском языке, как, например, «*insoar caso*» – возбудить дело. Однако развитие юридической науки не стоит на месте, термины появляются, исчезают и заменяются другими. Например, до 2015 года в испанской юридической терминологии существовал термин «*imputado*», однако после вступления в силу 5 апреля 2015 года новых поправок в Уголовно-процессуальный закон этот термин был заменен на «*investigado*» или «*encausado*». Ввиду этих изменений переводчики постоянно сталкиваются с неэквивалентной терминологией, а также с отсутствием эквивалентов для некоторых новых значений терминов.

Еще одна проблема связана с несоответствием объема значения терминов. Абсолютная эквивалентность невозможна по двум причинам. Во-первых, языковые знаки имеют свою специфику в разных языках. Во-вторых, несовместимость образов мира, создаваемых языками, то есть различия в реалиях, культуре и цивилизациях носителей разных языков. В случае с юридическим дискурсом речь идет о различных языковых и юридических картинах мира. Например, для понятия «*daños y perjuicios*» в русском языке используется только одно слово – «ущерб». Также невозможно достичь абсолютной эквивалентности при переводе, например, классификации преступлений по степени тяжести, поскольку в испанском УКДЗ есть три вида преступлений: «тяжкие», «менее тяжкие» и «незначительные» (УКДЗ, ст. 13), в то время как в УК РФ упоминаются следующие: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления (УК РФ, ст. 15). Как видно, в российской судебной системе классификация преступлений по тяжести несколько шире.

Также нельзя игнорировать «ложных друзей переводчика», которые представляют собой межъязыковые омонимы, то есть пары слов в разных языках, которые имеют схожее написание или произношение, но разное значение. Псевдоинтернациональные слова можно разделить на две группы. В первую группу могут входить слова, которые имеют схожее написание и произношение, но совершенно разное значение. Ко второй группе относятся те слова, которые имеют только одно или два значения, сходные с русскими словами, но отличаются от остальных. Например, «*abogado*» – сторонник, защитник, активист, а не просто адвокат; «*legal*» – законный, юридический, правовой, судебный, правомерный, а не просто легальный.

Проблемы эквивалентности при переводе юридических текстов определяются рядом причин, как мы видели выше: лингвистическая природа термина, несовпадение правовых систем разных государств, отсутствие корреляции перевода. Поэтому только учет особенностей национального законодательства и права в целом может гарантировать адекватный перевод.

2.3 К определению фразеологической единицы из области лингвистики

Данный раздел посвящен разработке термина «фразеологическая единица», который является термином, принадлежащим лингвистике. В работе Валгиной (2002) понятие фразеологической единицы (ФЕ) понимается как сочетание семантически неделимых слов, которые характеризуются постоянством особого целостного значения, составом грамматических категорий и оценочным значением. ФЕ классифицируются в соответствии с той или иной характеристикой. Среди основных и универсальных характеристик, однако, можно выделить семантический перенос, стабильность и воспроизводимость. Исходя из этого, вслед за Виноградовым (1997), большинство исследований склонны выделять четыре типа фразеологизмов: сращения, единства, сочетания и выражения. В испаноязычной литературе Корпас Пастор (1996) указывает, что в основном существует четыре ФЕ: фразеологические единства, коллокации (или лексические солидарности, по мнению других авторов), паремии и рутинные формулы. В данной работе важны только первые два типа, которые будут описаны ниже, чтобы обозначить практическую значимость для УК РФ.

Согласно Корпас Пастор (1996), фразеологические единства — это ФЕ, которые имеют следующие отличительные особенности: устойчивость и потеря семантического значения, т.е. «эти единицы не составляют полных предложений и обычно функционируют как элементы предложения» (Корпас Пастор 1996: 88). Среди критериев фразеологических единств Корпас Пастор (1996) выделяет следующие: семантическая когезия, морфосинтаксическая когезия, акцентный критерий и орфографический критерий. Аналогичным образом, Корпас Пастор (1996: 93) утверждает, что фразеологические единства традиционно классифицируются в соответствии с «ораторской функцией, которую они выполняют, независимо от того, заменяются ли они простыми словами или синтагмами». По мнению автора, существуют номинативные, адъективные, адвербиальные и глагольные фразеологические единства; такие фразеологические единства функционируют как элементы предложения, ядро которых

может заменить, с формальной, несемантической точки зрения, всю структуру, и, таким образом, выполнять те же синтаксические функции. Ниже приводится определение каждого типа фразеологических единств ссылаясь на вышеупомянутого автора, поскольку такая классификация будет актуальна для последующего анализа фразеологических единиц.

5. ВЫВОДЫ И БУДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В завершении работы приводятся основные выводы исследования, которые основываются на исследовательских вопросах (ИВ), поставленных во вступительном разделе (§ 1.3):

- ❖ **ИВ 1:** существуют ли в административно-юридическом языке Уголовного кодекса Российской Федерации фразеологические единицы, связанные с конкретными типами данного языка?

Ответ на ИВ 1: в ходе исследования было установлено, что в административно-юридической сфере существует ряд ФЕ, которые используются только в рамках этой сферы. Поскольку ФЕ были извлечены из раздела II (Преступление) и раздела III (Наказание) УК РФ, большинство этих ФЕ связаны с видами преступлений (например, «особо тяжкое преступление», «тяжкое преступление», «преступление средней тяжести», «преступление небольшой тяжести»), с повреждениями (например, «тяжкий вред», «вред средней тяжести») и с видами наказаний (например, «исправительные работы», «принудительные работы» и т.д.) и др. Следует также отметить, что из 30 ФЕ выделяется 26 коллокаций (например, «отбывать наказание», «выносить приговор», «злостное уклонение» и т.д.) и 4 фразеологических единства (например, «в силу», «доводить преступление до конца», «явка с повинной», «вступление в законную силу»). Таким образом, использование фразеологических единств не распространено в УК РФ, так как обильное использование фразеологических единств может затруднить понимание нормативных актов. Однако, согласно характеристикам юридических текстов, рассмотренных в теоретической части (2.1), юридические тексты предполагают обильное использование фразеологических единств. Из этого следует, что эта теория не нашла подтверждения в УК РФ.

- ❖ **ИВ 2:** если ответ на первый вопрос является утвердительным, связаны ли эти фразеологические единицы с другими текстами корпуса, имеющими сходные характеристики с административно-юридическими текстами?

Ответ на ИВ 2: согласно полученным данным, следует отметить, что все проанализированные ФЕ находят свое применение в других юридических текстах, например, в статьях, уставах, на сайтах, созданных юристами с целью предоставления своих услуг в юридической сфере и т.д. Однако следует отметить, что проанализированные фразеологические единства (§ 3.2.1), за исключением препозитивного фразеологического единства «в силу», используются только в юридических текстах. Что касается проанализированных коллокаций (§ 3.2.2), то большинство из них предполагает юридический контекст, хотя некоторые коллокации (например, «мягкое наказание», «принудительные работы» и т.д.) имеют более широкое применение: например, они встречаются в литературных текстах, газетах и т.д.

- ❖ **ИВ 3:** какой перевод на испанский язык можно предложить для данных фразеологических единиц Уголовного кодекса Российской Федерации и какие проблемы могут возникнуть при их переводе?

Ответ на ИВ 3: проблема перевода анализируемых ФЕ является одной из основных проблем при переводе юридических текстов. Существует несколько причин, среди которых следует выделить: а) трудности, связанные с особенностями юридических ФЕ, б) трудности, возникающие из-за расхождения правовых систем двух стран (отсюда расхождение в объеме понятий, которые должны передаваться их прототипами), в) трудности, вызванные наличием специфических единиц, которые существуют в российской правовой системе, но отсутствуют в испанской правовой системе, и наоборот.

При анализе возможных переводов ФЕ, выбранных для данного исследования, следует отметить, что некоторые ФЕ (например, «смягчающие обстоятельства», «отягчающие обстоятельства», «в силу» и пр.) не представляли никаких трудностей при переводе на испанский язык, поскольку также применимы к испанской правовой

культуре, т.е. они находят свой эквивалент в испанском языке. Однако некоторые из ФЕ не находят своего применения в уголовном процессе Испании (например, «явка с повинной», «вред средней тяжести» и т.д.), или они вышли из употребления в связи с реформами законодательства, как, например, в случае с «пожизненным заключением». Очевидно, что проблема перевода отражается в том, что ФЕ не соответствуют правовой действительности Испании. Таким образом, для решения этой проблемы предлагается следующее:

1. Использование нейтрального эквивалента, передающего смысл ФЕ из текста оригинала, например, «явка с повинной» может быть переведена как «*confesión*». В данном случае, хотя это и не однозначный эквивалент, он передает достаточно смысла, чтобы быть понятым семантически.

2. Обращение к адаптированному переводу. Один из случаев, демонстрирующий выбор данной переводческой техники, заключается, например, в том, что в Испании наказание в виде общественных работ не имеет других названий, в то время как в России этот тип наказания делится на три группы, в зависимости от срока исполнения данных работ. Поскольку это один и тот же тип наказания, нет необходимости создавать другие названия, так как это в любом случае «*trabajos en beneficio de la comunidad*».

3. Введение неологизма (переводческая помета для объяснения нового понятия). Например, случай с видами общественных работ (три вида в русском языке), рассмотренный выше, можно решить также с помощью дословного перевода, т.е. введением неологизма с комментарием, объясняющим разницу между этими видами работ.

Изложив выводы, которые были сделаны в результате вышеуказанного исследования, можно выделить множество новых направлений или будущих исследований. Эта работа, как и любая другая исследовательская работа, поднимает новые вопросы и открывает новые направления исследований, которые могут представлять большой интерес в будущем. Некоторые из этих новых направлений исследований, которые могут быть продолжены в статьях или в будущей докторской диссертации, изложены ниже:

- **Будущее направление исследования 1:** *Изменение направленности по отношению к исходному языку.*

В отношении отдельных терминов следует отметить, что в некоторых случаях перевод невозможен, если понятие неясно даже на исходном языке. Например, на протяжении всей работы мы сталкиваемся с термином «lesiones básicas», понятие которого не определено в УКДЗ. Поскольку в данной работе осуществляется перевод фразеологических единиц с русского языка на испанский, мы решили не вдаваться в подробности относительно этого термина. Однако, если бы перевод осуществлялся с испанского на русский, это вызвало бы проблему, которую еще предстоит решить.

- **Будущее направление исследования 2:** *Расширение текста объекта исследования.*

Другим возможным новым направлением исследования является расширение объекта исследования, т.е. анализ других частей уголовных кодексов, а не ограничение исследования анализом двух предложенных здесь разделов («Преступление» и «Наказание»). Это позволило бы изучить, существуют ли другие типы фразеологических единиц, связанных с другими частями уголовных кодексов, и, следовательно, позволило бы провести более детальный анализ административно-юридического языка вместе с их соответствующими переводами.

- **Будущее направление исследования 3:** *Изменение объекта исследования, но сохранение аналогичной методологии.*

Другим вариантом может быть изучение появления фразеологических единиц административно-юридического языка уголовного судопроизводства, но не в официальных государственных документах, а в других типах языковой среды, таких как блоги, веб-сайты или другие неофициальные объекты. Это новое направление исследования позволит с большей точностью изучить, предпочитают ли другие языковые среды такое же использование фразеологических единиц или, напротив, совсем другое, более неофициальное или специфичное. Одним из вариантов доступа к этому исследованию могло бы

стать использование лингвистических корпусов, которые основывают свою базу данных на веб-страницах.